

НАШИ • ТАМ

ИЛЬЯ САГАН, АЛЕКС КЕЙН
ДОТЯНУТЬСЯ
ДО ПРЕСТОЛА

Наши там (Центрполиграф)

Алекс Кейн

Дотянуться до престола

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Кейн А.

Дотянуться до престола / А. Кейн — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

Потомок русских эмигрантов, Пьер получает предложение поучаствовать в испытании на должность начальника крупного проекта. Он с радостью хватается за этот шанс, не подозревая, что в результате окажется в Русском царстве начала XVII века, да еще и в теле трехлетнего карапуза. И теперь Пьер – с мозгами тридцатилетнего менеджера – вынужден устраивать одну мистификацию за другой, чтобы не погибнуть среди интриг и заговоров: ведь бояре мечтают убить его, подменить или объявить посланцем темных сил. Сможет ли он выжить и вернуться домой? Да и захочет ли?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Кейн А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	41
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Илья Саган, Алекс Кейн

Дотянуться до престола

Роман

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Саган И., Кейн А., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Пролог

Пьер улыбнулся красавице медсестре и закрыл глаза. Укола он почти не почувствовал, лишь голова слегка закружилась, а в ногах появилась легкая расслабленность. Хорошо... Теперь вздремнуть бы.

Ему вдруг показалось, что тело словно бы плывет по невидимой реке. Неумолимый поток уносил его все дальше и дальше, стремительно засасывая в мутную безнадежность. В душе холодным, липким комком зародился страх, нарастая с каждой секундой. Еще мгновение – и страх превратился в животный ужас, безотчетная паника накрыла Пьера с головой, сжала горло, мешая дышать. Жадно ловя губами воздух, он открыл глаза. Что происходит?!

Вокруг стояла крошечная тьма. Страх исчез так же внезапно, как и появился. Дышать стало проще, и Пьер с облегчением перевел дух. Фу-ух, отпустило... Что за дрянь ему вкололи?! Врагу не пожелаешь.

Немного успокоившись, он прислушался к своим ощущениям. Вроде ничего не болит. Лежит на чем-то твердом, явно не на кровати. Пьер осторожно огляделся. Вокруг по-прежнему была тьма, но теперь он заметил колеблющиеся огоньки, кое-где разрывающие мрак.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и в слабом свете мерцающих огней Пьер смог различить несколько массивных колонн, силуэт окна с кованой решеткой, а высоко вверху – что-то похожее на старинный сводчатый потолок. Брр, холодно... Где он?

Сладковатый запах щекотал ноздри. Что-то знакомое... Ну конечно, ладан! Уж ему ли не знать! В Париже Пьер частенько ходил на службу в православный храм на улице Дарю. Будучи выходцем из семьи русских эмигрантов, он считал, что это помогает ему сохранять память о родине.

Огоньки, запах ладана. Точно, лампы! Как он сразу не догадался? Ну конечно, это же церковь!

Уж не отпевать ли его собрались? Может, он впал в летаргию и его приняли за мертвого? Господи Боже, только этого не хватало!

Пьер в панике попытался вскочить... и тут же свалился. Ноги не держали, тело не слушалось, словно вообще ему не принадлежало. Он попытался крикнуть:

– Я жив! Помогите!

Но вместо слов из горла вырвалось какое-то бульканье, похожее то ли на крик, то ли на плач.

В темноте за окном раздалось сердитое карканье. Потеряв над собой контроль, Пьер снова попробовал вскочить, истошно заголосив:

– Спасите!

И вновь оказался на полу не сумев выговорить ни слова. Да что ж такое-то?! Не умер ли он, в самом деле? Может, в шприце был яд?

Усилием воли Пьер заставил себя успокоиться. Всему должно быть разумное объяснение. Надо просто отдышаться и все обдумать.

Итак, что ему известно? Он находится в церкви, скорее всего, лежит на полу, или, по крайней мере, на чем-то твердом и холодном. Сейчас, похоже, ночь: напротив темное окно. Церковь православная, как на улице Дарю, но явно не она. Тело и язык не слушаются. Вывод? Медсестра тут ни при чем, она сделала укол, Пьер заснул или потерял сознание, и в это время в больнице что-то произошло. Может, пожар или потолок обвалился. Его, видимо, эвакуировали. Куда, в церковь? Бред какой-то! Хорошо, допустим, он сильно ранен. Ничего не болит, но это может быть следствием наркоза. Но почему он не может встать? А крикнуть? Перебиты ноги? Да, и, видимо, с горлом тоже что-то не так. А сканер? На нем же был сканер, отслеживающий состояние!

Он осторожно поднял руку, поднес к лицу, пытаясь разглядеть датчик, и обомлел: перед глазами маячила крошечная детская ладошка!

Я брежу?

Натужно скрипнули дверные петли, где-то справа мелькнул свет. Пьер напряженно вглядывался во тьму. В едва освещенном пятне на мгновение мелькнуло рогатое чудовище, волосатее за собой окровавленное тело. Тварь уставилась на него плотоядным взглядом... и тут же исчезла в темноте.

«Фреска! – облегченно вздохнул Пьер. – Сошествие в ад. Н-да, так недолго и рассудком подвинуться».

Но не успел он отойти от испуга, как сердце снова заколотилось.

– Ей-ей, пришибу тебя, Тишка, ежели посмеяться вздумал. – Хриплый шепот эхом отразился где-то высоко под куполом.

– Истину глаголю, не сумлевайся, младенчик тута благим матом орал. Вот те крест. – Огромная тень на стене вскинула руку и перекрестилась.

Это что ж, по-русски, что ли? Пьер хорошо знал русский, родители об этом позаботились. И в детстве, и сейчас они частенько говорили с ним на языке предков.

Но что за странный говор? К чему это коверканье слов? Или какой-то местный диалект? Куда ж он попал-то?!

Между тем двое вошедших обследовали помещение в колеблющемся свете свечей, которые держали в руках. Пьер с изумлением смотрел на странные фигуры. Они казались ему огромными. Незнакомцы были одеты в меховые душегрейки и перепоясанные грубыми веревками темные рясы в пол, из-под которых торчала стоптанная войлочная обувь. Немного похожи на монахов, как их рисовали в старых книгах.

Наконец они приблизились, и один в упор посмотрел на Пьера.

– Глянь-ка, Филимон! Прямо у врат царских дитяtko притулилось! – воскликнул он.

– Как же он тут очутился? – нахмурился второй, теребя лохматую, с проседью, бороду. – Все ж заперто было?

– Никак Маринка свою Ивашку-Воренку подкинула? Хитрость какую задумала? Собор ведь вскорости.

– Хм... Ему всамдель годка два, как и Воренку, но это не он. Маринка сейчас с полюбовником в бегах где-то на Низу. Да и дитем ей бросаться несподручно: через него токмо они трон оттяпать и могут. А малец-то не простой! Глянь, парча какая. Такую не на всяком боярине увидишь.

Пьер молча хлопал глазами, стараясь осознать, что происходит. Почему они называют его младенцем? Кто сошел с ума – он или эти странные мужики?!

– Батюшки, а лежит-то где! – ахнул вдруг Тишка. – Аккурат под Заступницей Владимирской!

– И то... – кивнул Филимон, открыв рот от удивления.

«Мне все это снится», – решил наконец Пьер и незаметно ущипнул себя за руку. Боль была вполне ощутимой, но видения не пропали. Над головой висела та самая икона Владимирской Богоматери, которую он видел в Третьяковке. Да что же происходит-то?

Странные монахи внимательно рассматривали его. Тот, которого звали Тишка, присел рядом, протянул громадную, больше лица Пьера, ладонь и осторожно коснулся его щеки кончиком пальца.

– Настоящий, – с благоговением прошептал он.

Оба замерли, тараща глаза на Пьера. Минуту спустя Тихон выдохнул:

– Слышь-ка, Филимошк... Никак это посланец.

– Вот и я мыслю. Чай, неспроста он под Богородицей-то.

– Мать честная!

– А лежит-то как тихонько, не плачет. Глазенки удивленные вытаращил да молчит. Мовет, немой он?

– Ага, немой, сказывай. Так заливался, я ажно подскочил, как услышал.

Филимон откашлялся и сурово сказал:

– Вот что, Тихон, мы с тобой в таком деле не решальщики, тут нашими скудными умишками не разобраться. Надобно кого-нить кликнуть. Ступай-ка ты на Чудово подворье к отцу Аврамию да все ему про младенца-то и обскажи. А я покуда здесь покараулю, дабы чего не вышло.

Тишка с готовностью кивнул, перекрестился и исчез в темноте. А Пьер, проводив его взглядом, поднял глаза на Филимона. Тот по-прежнему с интересом его рассматривал, примостившись на корточках.

– Кто вы? – попробовал спросить Пьер, но вместо вопроса изо рта вырвался несвязный лепет.

Лицо Филимона вдруг подобрело, и он с участием произнес:

– Надобно тебе чего, да? Ах ты, бедолага, небось, несладко на каменном полу-то лежать.

Огромный монах подхватил Пьера как пушинку и, выпрямившись во весь рост, принялся его укачивать.

– Ну-ну, баю-бай, – неумело забормотал он.

Леденя душой, Пьер поднял руки и в рассеянном свете снова увидел перед собой детские ладошки. Повертел головой, глянул на живот, на ноги... и чуть не потерял сознание. Сомнений не было: он стал маленьким ребенком!

«Ничего, – попытался он себя успокоить, – скоро я проснусь, и кошмар закончится».

На руках монаха было тепло и уютно. Пьер спрятал руки под его душегрейку, и Филимон понимающе усмехнулся:

– Ишь ты, хитрюга. Маленький, а сообразительный. Ну спи, баю-бай.

Монотонное бормотание успокаивало. Пьер, пригревшись, закрыл глаза и в самом деле задремал.

Часть первая

Глава 1

– Месье Рудниcki!

Пьер обернулся. К нему спешил полный коротышка, на ходу поправляя прилипшие к вспотевшей лысине редкие пряди. Подойдя ближе, толстяк перевел дыхание и с улыбкой протянул пухлую ладонь.

Филипп Жюно, начальник кадрового департамента – а это был именно он, – никогда не нравился Пьеру. Вроде, вежливый и участливый – эдакий добрячок, но после разговора с ним всегда оставалось впечатление, что тебя провели.

Пьер работал маркетологом в корпорации «Глобаль Технолоджи» и слыл веселым, остроумным парнем, никогда не пасовавшим в трудных ситуациях. Главной любовью его жизни была история, русская и французская, а свободное от нее и работы время Пьер предпочитал проводить в компании друзей и подруг. Вместе они ездили в путешествия на морские курорты и пару раз катались на горных лыжах в окрестностях Монблана. Летали на шарах-монгольфьерах, которые сами же запускали, и даже как-то помогали их изготавливать. В общем, жизнь текла весело и беззаботно.

Однако с годами он научился скрывать свою природную бесшабашность под маской сдержанности: ему было уже за тридцать, да и работа обязывала. Она не казалась особенно интересной, и все надежды на будущее Пьер связывал с перспективой роста. Но время шло, а давать ему высокую должность никто не торопился. Единственное предложение, которое он получил от руководства, – перейти в филиал корпорации в России. Пьер решительно отказался – что он, ненормальный, менять Париж на Москву? Съездить на родину предков на недельку-другую – это пожалуйста, но чтобы жить в России? Ну уж нет!

Других вакансий ему не предлагали, он уже подумывал о новой работе и от встречи с кадровиком ничего хорошего не ожидал. А потому, слегка поморщившись, пожал протянутую руку.

– А я вас искал, – сообщил Филипп, вытирая носовым платком вспотевший лоб. – Ну и жара сегодня, а?

– О да. Вы что-то хотели, месье Жюно?

– Не застал вас на месте, уже собрался уезжать, – кивнул толстяк на припаркованный возле здания компании красный «ситроен», – а тут как раз вы. Не уделите мне немного времени?

В этот вечер Пьер договорился встретиться с приятелем, Патриком, таким же любителем истории, как и он сам. Оба обожали разговоры и споры до хрипоты, и Пьеру совсем не хотелось пропускать встречу из-за назойливого кадровика. Ладно бы променять ее на вечеринку с друзьями, а тут... Но делать было нечего, и он вежливо улыбнулся.

– Конечно. Но у меня только полчаса.

– О, это больше чем достаточно, – заторопился Жюно и ткнул пухлым пальцем в расставленные на другой стороне улицы столики. – Давайте выпьем по чашечке кофе.

Пока не принесли заказ, Филипп продолжал жаловаться на жару, а Пьер нетерпеливо ерзал. Что нужно от него старому лису? Сколько еще он будет тянуть?

Но вот стройная официантка поставила перед ними чашки. Пьер проводил взглядом ее ладную фигурку и перевел глаза на Жюно. Лицо толстяка сразу приобрело серьезное выражение.

– Вы слышали о «Наполеоне»? – деловито спросил он.

Нелепый вопрос. Об этом проекте говорила вся корпорация, как можно о нем не слышать? Пьер давно мечтал возглавить что-то подобное – вот это были бы перспективы! Карьера, финансирование, командировки по всему миру и, конечно, интереснейшая работа. Не то что нынешняя, скучнее которой еще поискать.

– Так что же, месье Рудницки?

Пьер встрепенулся и перевел задумчивый взгляд на собеседника.

– Конечно, слышал.

– Вот и чудесненько, – обрадовался толстяк. – Тогда вы, наверное, знаете, что руководитель проекта еще не выбран?

К чему он клонит? Что за намеки? Неужели хочет предложить должность? Или просто проверяет? В любом случае заинтересованность демонстрировать не стоит. Внутренне собравшись, Пьер пожал плечами:

– Нет, я не в курсе.

– Не лукавьте, – усмехнулся Жюно. – Ни за что не поверю, что вам это безразлично. Впрочем, к делу. Как вы наверняка слышали, на должность руководителя я выдвинул месье Шарля Ферре из отдела высоких технологий.

Пьер невольно поморщился. Что ж этому засранцу так везет-то, а? Мало того что невесту у него увел, так теперь еще и на руководство «Наполеоном» претендует! А ведь они с Катрин три года прожили и на Рождество собирались подавать заявление в муниципалитет. Свадьба, венчание, все дела... Так нет же, девушка уехала в Бордо якобы к заболевшей матери, а через две недели прислала эсэмэску, в которой покаянно сообщала, что влюбилась в Шарля Ферре. Наверняка не о мамаше своей заботилась, а умотала с ним на Ривьеру. Тьфу!

– Вы с ним знакомы? – Жюно бросил на Пьера косой взгляд.

– Да, в общем-то, нет. Так, пару раз пересекались.

– Ясно. – По усмешке кадровика было понятно, что ему известна история с Катрин. – Несколько дней назад совет директоров объявил конкурс на это место, и появилось сразу не меньше десятка кандидатур. Мне дали возможность предложить еще одного человека, и, не скрою, я за нее уцепился. Совершенно не хочется, чтобы претендент пришел со стороны. Зачем мне темная лошадка?

– И что же? – спросил Пьер, теряясь в догадках.

– Часть кандидатов отсеяли сразу, а из оставшихся пяти сегодня утром на совете директоров были выбраны два. Вы не поверите, но оба – мои. То есть те, которых предложил я.

Стараясь не выдать нетерпения, Пьер слегка подался вперед.

– И?

– А, догадались? – хихикнул кадровик. – Да, именно вашу кандидатуру я и выдвинул в качестве альтернативы Шарлю Ферре. Я давно приглядываюсь к вам, Пьер. Вам тридцать один. В таком возрасте юношеская дурь уже отступает, а жизненных сил еще предостаточно. Вы не обременены семьей, значит, сможете полностью погрузиться в работу. К тому же вы прекрасный специалист.

От неожиданности Пьер поперхнулся, едва не расплескав кофе.

– Простите, что не согласовал это с вами, решение пришлось принимать в большой спешке. К тому же я не особо надеялся, что вы оба пройдете отбор.

– Что я должен делать?

– Если вы согласны, вам нужно будет принять участие в особом соревновании, которое будет проводиться с помощью «Прорыва», нашего суперкомпьютера.

Видя, как буравит его глазками толстенький кадровик, Пьер изо всех сил пытался сохранить присутствие духа.

«Он меня проверяет, – догадался Пьер. – Так, спокойно. Досчитать до пяти. Раз, два, три...»

Он степенно кивнул:

– Я готов участвовать в конкурсе.

– Ну вот и отличненько, – улыбнулся Жюно. – Завтра я все объясню, вы подпишете согласие, и начнем.

– Но скажите хотя бы, что это будет за состязание? В чем оно заключается?

Толстяк вдруг заторопился и демонстративно посмотрел на часы.

– Обещаю, вы все узнаете, месье Рудницки. А сейчас приношу свои извинения, мне пора бежать. До завтра.

Он поспешно вскочил и засеменил к своей машине, а Пьер растерянно смотрел ему вслед. В голове все смешалось. Неужели это не шутка и у него действительно есть шанс? Вот так удача!

Бросив на столик пару евро, Пьер поднялся и двинулся к дороге. О встрече с другом-историком он даже не вспомнил. Мысли скакали как сумасшедшие. Боже, какая перспектива! А карьера! А зарплата! Да что там, он станет одним из первых лиц корпорации, а дальше...

Истощенно взвизгнули шины, и металлический капот ткнул Пьера в бок. Не удержавшись на ногах, он упал.

– Куда смотришь, придурок? – высунувшись по пояс в окно, заорал разъяренный шофер. – Красный же горит!

Пьер приподнялся и потряс головой, пытаясь прийти в себя. Вокруг него тут же собралась толпа. Водитель выскочил из машины и теперь, наклонившись, ощупывал его ноги.

– Все цело, месье? Что-то болит? Где?

Нахмурившись, Пьер сел на асфальте.

– Все в порядке. Дайте руку.

Шофер злополучной машины помог ему подняться. Осторожно переступая с ноги на ногу, Пьер сообщил:

– Похоже, ничего не сломано.

Водитель с облегчением выдохнул, а люди вокруг заволновались.

– Это шок! Надо вызвать скорую! – крикнул кто-то. – Вдруг скрытая травма или сотрясение мозга.

Пьер принялся было возражать, доказывая, что легко доберется до дому, но тут сквозь толпу неожиданно протиснулся Филипп Жюно.

– Куда это вы собрались, месье Рудницки?! – с ходу завопил толстяк. – Нужно провериться. Я уже вызвал медиков из клиники корпорации, они через минуту будут здесь.

Жюно достал визитку и, энергично ею размахивая, принялся объяснять окружающим:

– Я из корпорации «Глобаль Технолоджи»! Пострадавший – наш сотрудник! Медики уже едут, можете расходиться!

Неожиданно Пьер покачнулся, толстяк поддержал его и помог опереться о капот автомобиля.

– Вот видите, – укоризненно сказал он. – А вы говорите «домой».

«А ведь мне и правда хреново».

– Уверяю вас, все нормально. Завтра же я готов приступить к испытанию.

– Но согласитесь, если что-то не в порядке, вы будете в заведомо проигрышном положении, – затараторил Жюно. – Не беспокойтесь за конкурс, без вас не начнут.

Пьер внимательно посмотрел на него, вздохнул и махнул рукой.

– Ладно, убедили.

– Хорошо, что я не успел уехать, – улыбнулся кадровик и тут же хитро подмигнул: – Не ожидал, что вы так эмоциональны.

– Хочу вас поздравить, месье Рудницки, – доктор погладил седую эспаньолку, – ничего серьезного. Пара царапин, не более.

– Отлично, – обрадовался Пьер. – Значит, я могу идти домой?

– Лежите, лежите. Авария – серьезный стресс для организма. Денек в клинике вам точно не повредит.

– Месье доктор прав, к чему рисковать, – вмешался суетившийся тут же Жюно. – Можете не беспокоиться, корпорация все оплатит, я позабочусь.

– Нет, – решительно покачал головой Пьер, глядя на кадровика, – ведь завтра конкурс.

– Никаких проблем. Бумаги у меня с собой, подпишите согласие на участие, и он от вас никуда не денется.

Жюно сунул ему папку с прикрепленным договором и ручку. Пьер попробовал было прочесть, но мелкий шрифт расплывался перед глазами. Боясь, что Филипп заметит его состояние и, не дай бог, передумает, Пьер быстро поставил подпись.

– Ну вот и хорошо, – обрадовался толстяк. – Ни о чем не беспокойтесь, месье Рудницки. Вы лежите в клинике корпорации. «Прорыв» прямо под вами, этажом ниже, так что, считайте, у вас все под контролем. Испытание начнется, как только вы почувствуете себя лучше.

– Кроме того, у вас на запястье укреплен сканер. – Доктор ткнул пальцем в черный браслет на руке Пьера. – С помощью него «Прорыв» мониторит ваше состояние ежесекундно. Хотя бы сутки это совершенно необходимо.

Он повернулся к медсестре, миловидной брюнетке с точеной фигуркой.

– Жанна, сделайте-ка нашему другу укольчик, вот состав.

– Конечно, – кивнула та, откинув локон со лба тонкими пальцами.

У Пьера загорелись глаза: Жанна была на редкость красива. И чем-то неуловимо напоминала Катрин.

«Хороша! – восторженно разглядывая медсестру, подумал он. – Нельзя упускать шанс познакомиться с такой куколкой».

– Спасибо. А насчет пары дней в клинике... – Пьер улыбнулся. – Пожалуй, я останусь.

– Поработайте кулачком, месье Рудницки, – попросила Жанна. – Так, прекрасно, теперь расслабьте руку. Не волнуйтесь, больно не будет.

Пьер улыбнулся красавице медсестре и закрыл глаза.

Глава 2

Проснулся он от топота ног и гомона множества голосов. Открыл глаза и задохнулся от удивления: с высоты на него смотрели Иисус и Богоматерь, изображенные на потолке собора.

Пьер чуть повернул голову и уперся носом в лохматую седую бороду. Выходит, он по-прежнему на руках у монаха? Когда же кончится этот нелепый сон?! А если это явь?! Может, Жанна напутала с раствором и вколола ему какую-то отраву? Он умер, и его душа переселилась в новорожденного? Да ну, бред какой-то.

И тут пришло озарение: испытание! Проклятый Жюно, не предупредив, подключил его к «Прорыву». И все вокруг – не реальность, а виртуальный, компьютерный мир!

«Точно! Не зря он так настаивал, чтобы я поехал в больницу. Вот поганец! И укол, видимо, был неспроста, он заранее договорился с доктором о снотворном или галлюциногене. Ладно, месье Хитрец, сочтемся. Я вам покажу, когда выберусь отсюда!»

– Где он, Филимон? – требовательно произнес незнакомый голос, и Пьер наконец обратил внимание на вошедших.

А было их немало, целая толпа. Впереди стоял худой пожилой священник в рясе под накинутой шубой и высоченном клобуке. Строгое, полное достоинства лицо сейчас выражало нетерпение. Рядом с ним, кутаясь в синий шерстяной плащ с меховой оторочкой, возвышался широкоплечий богатырь лет тридцати пяти, с небольшой кудрявой бородкой и кудрявыми же волосами. Лицо смелое, открытое; он с явным удовольствием смотрел на Пьера, с трудом сдерживая радостную улыбку.

Возле богатыря, едва доставая до его плеча, топтался дородный степенный толстяк средних лет, с бородой до пояса и непропорционально маленькой головой. Он был в богатой красной шубе, подбитой соболем, с длинными, почти до пола, рукавами и жемчужным стоячим воротом, а на сгибе локтя держал высоченную горлатную шапку. Глаза его с настороженным любопытством разглядывали Пьера. Позади этой троицы стояло человек двадцать горожан и церковников, среди которых был и Тишка.

Да-а, вот это экземплярики! Патрик сдохнет от зависти, когда об этом узнает. Небось не поверит. Недурно спецы постарались, антураж получился что надо!

Филимон поклонился и с готовностью шагнул навстречу гостям, демонстрируя лежащего на руках ребенка.

– А что ж ты сказывал, будто он токмо рожден? – обернулся священник к Тихону. – Дите ужо, годка два аль три. А ну, Филимон, спусти-ка его.

Монах осторожно поставил Пьера на пол, и тому показалось, что земля пошла под ним ходуном. С трудом удержавшись на ногах, он осторожно сделал шаг, потом другой...

– Глянь-ка, ходит! – воскликнул здоровяк в шубе, его пухлые щеки складкой легли на твердый жемчужный ворот.

Все зашумели, а священник скомандовал:

– Ступай сюда, дитяtko.

Осторожно перебирая ножками, Пьер поковылял к нему. Он уже вполне освоился и не видел нужды бояться виртуального мира.

– Как звать-то тебя, милoк?

– П... п... ел, – еле выговорил Пьер, пытаясь приноровиться к необычной артикуляции.

– Как-как? Петр? – скупo улыбнулся старец. – Ладное имя.

Молодой богатырь присел на корточки и сочувственно спросил:

– Кто ж такую дитятку на ночь тут приткнул? Где ж мамка да тятка твои?

Отец Пьера погиб в железнодорожной катастрофе, когда ему было пятнадцать, а вот мать умерла недавно, и потеря до сих пор отдавалась болью в сердце. Но хитрец Жюно не дожидается от него проявлений слабости. Испытание так испытание. Мысленно усмехнувшись, Пьер ткнул пальцем в сторону иконы Богородицы:

– Ма-ма...

– Эк ты высоко взял, братец, – рассмеялся богатырь, легко подхватил Пьера на руки и закутал в свой плащ. – Ее сын – Господь Бог наш Иисус Христос. Хотя... и мы, людишки, дети Царицы Небесной...

Все разом закивали, и тут вмешался Тишка:

– Ей-ей, Она его и послала, дабы на земле Русской державствовал. Точно так, как преподобный Амвросий сказывал: Москва гореть будет, а опосля появится царь молодой и Русскую землю умирит.

Среди собравшихся пробежал удивленный шепоток. Люди переглядывались, некоторые с благоговением крестились.

– Погодь, Тихон, – одернул его священник. – Поначалу дознаться надобно. Где, сказываешь, лежал-то он?

Тишка подскочил к иконе и затараторил:

– Тута, владыко, прям вот тута и лежал младенчик-то, аккурат под Заступницей Владимирской, у врат Царских.

Толпа удивленно загомонил.

«Владыко?! Неужели сам патриарх?» – изумился про себя Пьер, а священник между тем распахнул ворот его рубашонки и с удивлением воззрился на маленький золотой крестик.

– Эва, како-ой! Глянь-ка, Федор Иваныч, видывал таковские?

Здоровяк в шубе шагнул к богатырю, на руках которого сидел Пьер, а следом и другие окружили их плотным кольцом. Перешептываясь и ахая, они смотрели на крест круглыми от удивления глазами. Отблески свечей металась по лицам, придавая им нечто зловещее. Что они в нем нашли? Крестик как крестик, самый обыкновенный, мама подарила.

– Нет, владыко, – ответил толстяк. – А шнурок-то и не шнурок вовсе, а тонкая цепка. Я доселе про эдакие и не слыхивал.

– Сказываю ж, то Царица Небесная его к нам послала, – не унимался Тишка.

– Да почему ты ведаешь? – взорвался вдруг Федор Иванович. – А ну как кто из искателей державы сюды его незримо принес, дабы раздор меж нами посеять да через него к венцу подобраться?

– Филимон! – скомандовал священник. – Как воротимся, запишешь: такого-то, мол, дня, года 7121 от сотворения мира, в Соборной церкви Успения, на полу, под образом Богородицы Владимирской, найден младенец мужеска пола, двух аль трех годов от роду, именем Петр. И крест на шее евойной, работы дивной, на тонкой цепи висел. А нашли-де его чернец Чудова монастыря Тихон да ты, писарь Филимон.

– Слушаюсь, владыко.

Ничего себе, Соборная церковь Успения! Это ж Успенский собор в Москве!

Пьер поплотнее прижался к богатырю, державшему его на крепких руках. Незнакомец ему положительно нравился, он был силен, глаза излучали доброту, а от шерстяного плаща пахло костром.

Заметив, как он закутал малыша, Федор Иванович рассмеялся:

– Гляжу, ты, князь, ровно с сынком возишься. Али своих шестерых недостает?

Пьер с удивлением посмотрел на богатыря. Князь? А по виду не скажешь, одет совсем скромно.

– Мои подросли уже, – улыбнулся тот. – А об мальце, чую, и позаботиться некому. С собой его возьму.

Здоровяк в собольей шубе вдруг беспокоился.

– Господь с тобой, Дмитрий Михалыч, куды ж ты его? На Орбат? Дык он вусмерть по пути замерзнет, стужа-то какая. И хозяйшка твоя ноне в уезде, кто ж дитятей займется? А мой двор, вон он, в оконце видать. Я в шубейки свои его оберну да до палат-то мигом домчу, а там мамок да нянек хватит.

– Боярин истинно сказывает, – кивнул священник. – Пушай чадо покамест на дворе Шереметевых поживет, пообвыкнется. А мы тем временем усердие проявим, дабы дознаться, откель он к нам явился. На соборе Земском об нем доложим да всем миром и порешим. А коли впрямь Царица Небесная его нам даровала, дабы смуту на Руси закончить, так, может, она знак какой даст.

– Что ж, добро, – кивнул князь, передавая Пьера Федору Ивановичу. – Да только помни, боярин, ты ныне предстатель мальчонка и пред всей землей нашей за него в ответе. Береги его пуще живота, а ну как он и вправду Божий посланник. А дабы тебе покойнее было, я своо человека пришлю, под дверью будет сидеть да чадо охранять.

Но Пьеру такое решение не понравилось. Он чувствовал, что этот князь с открытым и честным взглядом куда надежнее, чем толстый хитроглазый Шереметев. А поэтому нахмурился и выдал:

– Неть!

Все с удивлением воззрились на малыша.

– Похоже, не хочет он к боярину, – рассмеялся какой-то служка, а вслед за ним и остальные.

– Отдай его князю Пожарскому, Федор Иваныч, коли сам просит, – послышалось из толпы.

– Уж решено, негоже нам думки свои по указке мальчика титешного менять, – отрезал Шереметев.

Он распахнул шубу и, закутав Пьера, твердым шагом направился к выходу.

Глава 3

«Надо все спокойно обдумать, а то полный сумбур в голове», – размышлял Пьер. Он лежал на кровати, почти утонув в пуховой перине, и пытался разглядеть комнату, куда поселил его Шереметев. Но вокруг было темно, лишь отблески огня от высокой, до потолка, печи пробивались сквозь щели заслонки.

Пьер невольно улыбнулся, вспомнив, как при выходе из церкви Федор Иванович распахнул красную соболью шубу, и под ней оказалась еще одна. Потому-то его тело и казалось непропорционально большим по сравнению с головой: боярин был одет, словно капуста.

У выхода ждали сани, возница бережно посадил его, и Федор Иванович тяжело плюхнулся на покрытое шкурой сиденье. Ехали совсем недолго, и вскоре Шереметев передал Пьера челяди. Его разместили в небольшой, в одну комнату, каменной пристройке, выходившей в просторные натопленные сени. И теперь он лежал на перине, глядя на блики огня, и размышлял.

Итак, если разум подключен к «Прорыву», а в этом Пьер не сомневался, значит, он находится в виртуальном мире. Ладно, до хитреца Жюно он еще доберется и непременно придумает, как отомстить. Но что нужно делать здесь? В чем состоит испытание? Похоже, никто его посвящать в это не собирается, видно, ждут, что он сам додумается. А может, где-то подсказки раскиданы?

Пьер сосредоточенно почесал вихрастую голову. Что ему известно? Он находится в России, вернее, на Руси. Время – начало семнадцатого века. Священник сказал, 7121 год, минус 5508... получается, сейчас 1613-й. Значит, поляков только недавно выгнали, везде разруха... Ну и попал же он!

Богатырь в плаще, безусловно, Пожарский, освободитель Москвы. Помнится, на Красной площади стоит памятник князю, но там он совершенно другой. Видимо, программисты проявили фантазию. А толстяк – боярин Шереметев. Вспомнить бы еще, который из них. А впрочем, в составе Семибоярщины был кто-то с такой фамилией. Может, это он? Федор Иванович... Да, похоже, так и есть.

Они еще говорили про Земский собор... Выходит, это тот, на котором избрали первого Романова, Михаила. Интересно... Но что это дает?

– Спи, милоч! – раздался настойчивый голос, и к кровати подошла грузная женщина, приставленная к нему мамкой. Ее пухлые румяные щеки улыбались, но глаза смотрели недовольно. Пьер насытился и отвернулся к стене.

Похоже, мадам будет мешать, нужно потребовать, чтоб ее убрали. Впрочем, что значит потребовать? Младенец и есть младенец, к его мнению никто прислушиваться не станет. Но ведь зачем-то Пьера поместили в детское тело? Значит, есть способ воздействовать на этих людей, и он его непременно найдет.

Тишка и другие... они говорили, что малыша Богородица послала. Может, чтобы выдержать испытание, надо убедить их, что он и вправду дар небес? И кстати, где его конкурент, этот... Шарль Ферре? Ясно, что должен быть в этом же мире.

И тут в голову Пьеру пришла простая мысль, от которой он чуть не ахнул. Ну конечно! Его задача – стать царем, а месье Ферре как раз и есть Михаил Романов! Жюно говорил, что Шарль – основной кандидат, а Пьера он предложил от безысходности... Значит, условия для Ферре должны быть проще. Все сходится: если Пьер не сможет ничего придумать, то Земский собор выберет Романова, как и было в реальности. По сути, конкуренту надо просто сидеть и ждать, когда за ним в Кострому приедут бояре. А вот как его обойти – в этом и состоит испытание.

Горящими от возбуждения глазами Пьер смотрел на крашеную стену. Мысли лихорадочно прыгали. Поначалу задача показалась несложной, но чем дольше он думал, тем яснее понимал, что будет непросто.

Да уж, придется покрутиться... Что можно противопоставить месье Ферре? Фаворита этой гонки кинули в тело Михаила Романова – отпрыска знатной семьи и сына знаменитого митрополита, а его, Пьера, – в неизвестно откуда взявшегося младенца без роду, без племени, и говорить-то толком не умеющего. Правда, в этом смысле Шарлю еще хуже, он вряд ли вообще по-русски понимает. А Пьер? Может ли он сказать что-то более или менее связное? Интересно, почему малыши толком не говорят? Ума не хватает слова в предложения связывать или речевой аппарат еще не развит? Эх, попробовать бы втихаря, да мадам рядом... Завтра непременно надо устроить, чтобы ее убрали... Дрова в печи потрескивали, наводя сладкую дремоту, и мысли Пьера понемногу стали путаться. Зарывшись с головой в перину, он заснул.

Солнце тускло светило сквозь единственное окно, мешая спать. Пьер открыл глаза и удивленно осмотрелся. Вот это да! Настоящая русская старина! Он с тихим восторгом оглядел крашеные в цвет травы стены и бледно-желтый сводчатый потолок. В углу увидел небольшой, крытый вышитой скатертью стол с резным деревянным креслом, рядом притулилась скамеечка для ног. Над столом на красной полочке были расставлены православные иконы. Свежие, яркие, словно только что написанные. Вдоль стен стояли покрытые рушниками лавки, над ними красовалось слюдяное оконце с разноцветными стеклышками, а рядом прислонился обитый сукном навесной ставень. И это все придумали компьютерщики корпорации?! Просто невероятно!

Пьер перевел взгляд на деревянный сине-зеленый шкафчик с золотыми узорами. Красота! Возле него блестели металлическими накладками два больших, окованных железом сундука. А напротив стола потрескивала поленьями изразцовая печь, даря всему вокруг тепло и уют. Рядом с ней стояло железное ведро с углем. Да, есть на что посмотреть, прямо как в музее! Не то что его минималистичная квартира.

Пьер протянул руку и с удивлением пощупал тяжелый напольный подсвечник. Настоящий! Как жаль, что все эти вещи – лишь образы в виртуальном мире! Вот было бы здорово иметь пару таких вещей дома, в Париже. Да все антиквары обзавидовались бы!

Заметив, что в комнате никого нет, Пьер принялся изучать свое новое жилище. Откинул одеяло, полотняную простыню, перину и обомлел: под ней лежала шкура с бурым мехом. Медвежья, что ли? А ниже – плотно набитый матрас, на ощупь напоминающий соломенный.

«Похоже, наши программисты собрали в кучу все стереотипы», – усмехнулся Пьер, поглаживая лоснящийся мех.

Сообразив, что не стоит терять времени, он неслышно встал и сделал несколько шагов. Споткнулся, но все же устоял. Деревянные половицы, покрытые разноцветными ковриками, тихо скрипнули. Пьер обошел комнату, взобрался на стул, зачем-то заглянул в стоявший на столе кувшин, потрогал лежащее рядом зеркальце в изящной серебряной оправе и полез на лавку, чтобы выглянуть в окно. Он был уверен, что ничего не увидит: не могли же, в самом деле, компьютерщики ради одного конкурса воспроизвести весь мир. Но ошибся: оконце открывало вид на небольшую часть двора, покрытую сугробами, и на деревянный забор-часток. За ним, через узкую улочку возвышалась массивная зубчатая стена, крашенная в белый цвет. Зубцы кое-где обвалились («Наверняка от пушечных ядер»), а штукатурка облупилась, под ней проглядывал красный кирпич. Пьеру была видна половина четырехугольной башни с колокольной.

Ничего себе – Кремль! Впрочем, чему удивляться, если двор Шереметева находится рядом с Успенским собором, значит, в Кремле. Странно только, что башня без привычного зеленого шатра. Может, еще не построили? И почему стены белые?

Вдоволь насмотревшись, Пьер прыгнул на пол, едва не поранившись о торчащий из стены рожок для свечи, и вернулся к изучению комнаты. Его кровать оказалась широкой лавкой, на которую была положена постель. Под ней – детский горшок. Подойдя к сундуку, Пьер подергал крышку – не заперто – и с огромным трудом приподнял ее. Одежда, ткани, собольи шкурки...

Нет, это не пригодится. А что в шкафчике? Ух, какая дверца тяжелая, вот как ее ребенку открыть? Угроздило ж этого Жюно запихнуть его в детское тело! Мог бы сделать, к примеру, молодым турецким султаном с гаремом на пару сотен девиц. Вот это было б весело. А то беспомощный младенец. Ну ничего, еще увидите, он и в таком виде не пропадет... Так, что тут у нас? Банка какая-то, надо будет проверить, когда мадам уберут.

Словно в ответ на его мысли, тихо скрипнула низенькая дверь, и в комнату вошла мамка. Увидев открытые сундуки, она запричитала:

– Да что ж ты творишь, а?! Почто тебя Федор Иваныч впустил, чтоб ты по ларям без спросу шарил?

«Пора», – решил Пьер и заголосил что было сил.

Женщина от неожиданности оторопела. Дверь распахнулась, и в комнату вбежал веснушчатый рыжеволосый парень лет двадцати, в перепоясанном кушаком длинном зеленом кафтане, похожем на те, что Пьер видел на фигурах стрельцов в музее Гревен. На боку висела длинная сабля.

– Что с дитем? – обеспокоенно крикнул он.

Мамка всплеснула руками.

– Да что ему сделается, окаянному? Вон, гляди, все сундуки отомкнул.

Но «стрелец», не слушая ее, рванул к малышу, присел перед ним на корточки и принялся ощупывать. Веснушки на его лице побледнели от волнения.

– Все ладно? Где-нить болит?

Пьер отрицательно покачал головой и ткнул пальцем в мамку:

– Не хосю!

И, чтобы усилить впечатление, гневно топнул ножкой:

– Уди!

– Ого, и впрямь ровно царь, – удивился парень.

В открытой двери стали появляться привлеченные шумом челядинцы. Глядя на растерявшуюся мамку, кто-то сказал:

– Ступай-ка ты, не гневи дитятю.

– Да что ты, Кузьма, белены объелся? – возмутилась она. – Меня ж Федор Иваныч посещет!

Вдруг все разом расступились, и появился сам Шереметев в желтом суконном кафтане, из-под которого виднелись красные сафьяновые сапоги. Без шуб он оказался не таким уж и толстым.

«Приделать Черчиллю бороду – и прямо одно лицо будет, – мысленно фыркнул Пьер. – Сейчас я вам выдам представленье, месье Шереметев».

Между тем тот, нахмурившись, кинул взгляд на Пьера и грозно сказал мамке:

– Я, Агафья, почто тебя сюда поставил? Дабы ты крик на весь двор разводила?

Та сжалась, словно уменьшившись в размерах, и принялась оправдываться:

– Помилуй, батюшка Федор Иваныч, да нешто я...

– Хватит причитать! Сказывай, что тут у вас учинилось!

– Мальцу она не глянулась, – ответил за нее «стрелец». – Требуется, чтоб ушла.

– Требуется?! – Глаза боярина полезли на лоб. – Это как же?

Пьер решил, что настала его очередь вступить в разговор. Он подбежал вплотную к Агафье и, упершись обеими руками в ее бедро, стал выталкивать.

– Уди! Уди!

– Ну ты погляди, а, – всплеснула она руками, а толпа у двери умиленно заахала.

– А ну, цыц там! – прикрикнул Шереметев и снова накинута на мамку: – С чего это он серчает?

– Ведать не ведаю, батюшка. Я ставень-то сняла с оконца да отошла по надобности. Вертаюсь – а он тут в ларях твоих шмыгает, вот я и спросила.

– Уди-и! – завопил вдруг Пьер, гневным жестом указав на дверь. – Уди!

– Вот что, братец, – наклонился к нему Федор Иванович, – утихомирься-ка. Агафья – баба душевная и тебе за няньку будет. Так что свои коленца выкидывать прекращай, а то ведь я и высечь могу!

– Эй-эй, боярин, полегше, – нахмурился «стрелец».

– А ты, Васька, замолчь, – огрызнулся Шереметев. – Коли князь Пожарский силком мне тебя приставил, так не в свое дело не сувайся.

«Что ж, придется дать спектакль, иначе от нее не избавиться», – мысленно улыбнулся Пьер и, придав лицу самое злобное выражение, на какое только был способен, топнул ногой.

– Не хочу! Уди! Уди-и! – крикнул он и заверещал на одной ноте противным, писклявым голосом.

Лицо Федора Ивановича налилось кровью. С минуту он молча смотрел на Пьера, а потом заорал:

– Да нет у меня никого, кроме нее!

– А-а-а!

– Замолчь немедленно!

– А-а-а!

– Моget, мою Варвару к нему посадить? – спросил кто-то из толпы.

– Не-е! А-а-а!

Шереметев схватился за голову.

– Царица Небесная, дай мне сил! Что тебе надобно, чадо? Нешто один в горнице хочешь жить?

Пьер мгновенно замолчал и улыбнулся. Стоявшие у двери челядинцы зашумели:

– Почто ему нянька, такому-то умненькому.

– Коли так положено, возражать не должен.

– Да как ты без мамки-то будешь? – начал было Шереметев, но Пьер демонстративно набрал воздуха в легкие, и боярин обреченно махнул рукой: – Господь с тобой, оставайся. Васька, слышь, ты заходи к нему почаще, чтоб чего не вышло.

Пьер улыбнулся еще шире и дернул Федора Ивановича за длинный рукав:

– Ам-ам!

– Ох ты, господи, он же не жрамши, – всполошился Шереметев. – Сейчас принесут.

Несколько человек тут же сорвались с места, но Пьер решительно заявил:

– Сам! – и потопал к двери.

Люди, улыбаясь, расступились, он вышел из комнаты и вопросительно оглянулся. Мужичок лет сорока, стоявший ближе других, кивнул и протянул руку:

– Туда. Ступай со мной.

Пьер сунул кулачок в его теплую ладонь и решительно зашагал за мужиком.

Глава 4

Василий Григорьевич Телепнев, думный дьяк Посольского приказа, ехал в обитых дорогим сукном санях через Кулишки, что на востоке Белого города, и, кутаясь в подбитую мехом ферязь, лениво смотрел по сторонам.

Тусклое зимнее солнце размытым кругом виднелось из-за низких туч, скупо освещая сугробы и заметенные снегом крыши. Вокруг стоял адский шум: стук молотков, визг пил, крики, ругань. Москва, лишь недавно освобожденная от поляков, строилась заново. Горожане буравили промерзлую землю, пилили, кололи, и их жилища потихоньку росли. Тут и там виднелись новенькие срубы, кое-где еще без крыш, но уже чувствовалось, что вскоре сожженная столица восстанет из пепла.

Через Покровские ворота сани въехали в Китай-город, где жили церковники, дворяне, купцы. Здесь разрушений было меньше, лишь кое-где виднелись припорошенные снегом пробоины в досках мостовых – следы от пушечных ядер осаждавшего Москву ополчения. Заметенные деревянные терема с резными наличниками посреди обширных дворов, церквушки с блестящими маковками на каждом углу, лавки и кабаки – все теперь было обыденным и мирным. Словно и не пожирала Русь голод и разруха, последствия войн и бесцарствия.

«Ничего, – размышлял Василий Григорьевич, – даст бог, выберем самодержца на Земском соборе да заживем по-прежнему, тихо и благочестиво».

По улицам сновал народ: степенно шествовали монахи в торчащих из-под шуб рясах, на перекрестках дежурили стрельцы и казаки, бегали ободранные мальчишки, неспешно прохаживались торговцы с висящими на груди лотками, в которых лежали прикрытые тряпкой пироги. Перед каждой церквушкой с дюжину нищих и юродивых вопили, требуя милостыни и демонстрируя всем желающим заскорузлые раны. Василий Григорьевич, брезгливо поджав губы, отворачивался от них и прятал бороду в меховой воротник.

Между тем, миновав Ильинку, сани выехали на Пожар¹. Площадь была полна: тут раскинулись торговые ряды. В воздухе плыли запахи свежееиспеченного хлеба, чеснока и жареных куропаток, которых готовили здесь же, на костре. Продавцы, притопывая от холода, расхваливали свой товар, а румяные бабы, бородатые мужики, оборванные дети толпами бродили между рядами, крича, споря, торгуясь.

Сани замедлились, а потом и вовсе остановились.

– Что там? – крикнул Телепнев вознице.

– Кажись, драка, Василь Григорыч.

И в самом деле, два мужичка в тулупах азартно пинали бродягу в дырявом зипуне. Тот закрывался руками и верещал:

– Больно же, ироды!

– Ниче, тебе наука, вдругорядь не будешь воровать!

– Ладно, нехристи, вmale² попляшете! Вот выберут царя-батюшку, он вам живо покажет, как втридорога драть!

– Эва, сказанул. Да бояре век промеж себя не договорятся, – засмеялся стоящий у лотка старик.

Отпихнув нападавших, бедолага в зипуне торжественно поднял багровый от мороза палец:

– Истинно, Царица Небесная послала уже заступника нам! Надесь нашли на алтаре Успенском младенца с державою в руках и скипетром, и бысть ему царем!

¹ Пожар – нынешняя Красная площадь.

² Вmale – вскоре.

– Да ты почему, дурак, ведаешь?

– А все про то рассказывают, а иные и сами видали. А живет он в Кремле-городе, в палатах боярина Шереметева.

– Уй, да слышала я про того младенца, – фыркнула толстая тетка в убрусе, – да только не Богородицей он послан, а извергами-иноземцами, дабы Рюриковичев престол загрести да нас в латинство обратить.

– И не иноземцами вовсе, а боярами нашими, которые из седмочисленных³. Жалко им с властью-то расставаться.

«Чего только не болтают», – усмехнулся про себя Телепнев, пока возница кнутом прокладывал дорогу.

Пять минут спустя сани миновали мост надо рвом, окружающим Кремль, и через широкие Никольские ворота напрямик направились к Житничной улице, где стояли палаты боярина Шереметева.

* * *

– Здрав будь, боярин Федор Иванович!

– О, Василь Григорыч, наконец-то, – обрадовался Шереметев, поднимаясь. – А я как раз отдыхаю. Проходи, садись. Марфа! Сбитня гостю горяченького!

Они уселись возле накрытого парчой стола. Холопы забежали, и через пять минут перед Телепневым стояли большая кружка с дымящимся сбитнем, плюшка с патокой и вазочка с вареньем. Перекрестившись на иконы, Телепнев с видимым удовольствием втянул носом пряный запах горячего медового напитка.

Выгнав всех из горницы, Шереметев выжидательно взглянул на Василия Григорьевича:

– Ну, рассказывай, как съездил.

– Да нечего рассказывать-то, Федор Иваныч, – развел руками гость. Свою ферязь он оставил в сенях и теперь радовал глаз ярко-синим бархатным кафтаном с золотыми пуговицами. – Не желает старица Марфа сынка своего на царство отдавать. Мы-де четырех царей за восемь годков извели, и Мишке, мол, она такой судьбы не желает.

– Уговаривал ее? Дары мои отдал?

– А то как же. Да она ни в какую, хоть кол на голове теши. Вот, грамотку тебе прислала. Телепнев достал из-за пазухи помятый свиток и передал Федору Ивановичу.

– «И молю тебя, батюшка мой, все свое могущество употреби, – Шереметев бегал по строчкам глазами, бормоча под нос, – дабы Мишу мово от сей участи отвести... а уж я за тебя молюсь денно и ночью... и за господина моего полоненного Федора Никитича... а сынок мой молод и к державной доле не способный...»

Наконец он откинул письмо и в сердцах плюнул:

– Тьфу ты, вот упрямая баба! Уж чего, кажется, лучше, так нет – противится.

– И не говори, – вздохнул Василий Григорьевич. – Что ж теперь делать станем, а, Федор Иваныч? Для нас лучше Мишки-то Романова не сыскать.

– А ничо. Я уж и с батюшкой его списался, обговорили, дескать, как только сын на царство встанет, так сразу его, Филарета, из полоня-то и выкупит. А мы уж тут расстараемся, чтоб митрополиты его патриархом поставили, нам не впервой. Так что хочет инокиня Марфа Мишку благословить аль нет, никакого различия. Выберем его, и согласится, некуда ей деваться-то будет.

– Добро, – кивнул дьяк.

³ Седмочисленные бояре – старое название Семибоярщины.

Шереметев отхлебнул сбитня и задумался. Минуты три гость и хозяин сидели молча, потом Телепнев осторожно спросил:

– А скажи-ка, Федор Иваныч, чегой-то на Пожаре болтают про мальчика, при тебе живущего? Мол, он будущий царь, Богородицей на Русь посланный.

Боярин удивленно вскинул брови.

– Уже болтают? Скоренько. Тут, вишь, Василь Григорыч, какое дело: недавно в церкви Успения мальчика нашли, прям под иконою Богоматери Владимирской. Я как раз у архимандрита Чудова был, у Аврамия, и князь Пожарский со мной. Обсуждали про Земский собор всякое... ну, ты разумеешь. И тут прибегает ихний чернец да орет как оглашенный, дескать, Заступница Небесная царя послала. Ну, мы и пошли всем скопом поглядеть, а там и всамдель дитяты...

– Во-он оно что, – удивленно протянул Телепнев. – И впрямь, похоже, непростой ребенок.

– Оно конечно, не всякий день на алтаре мальцов-то находят.

– И что ж, он у тебя?

– Да, Василий Григорыч, здесь расположился.

– И как, глянулся тебе? Не пугается?

Шереметев обреченно махнул рукой.

– Да какое там. Шустрый – спасу нет, кого хошь раскушает. Весь день по палатам да по двору бегает, пришлось ему Сенькину шубейку отдать. Бывает, и в лари-сундуки заглядывает. А скажешь чего – орет.

– Как бы вторым Иоанном Мучителем не оказался, – вздохнул Телепнев, намазывая варенье на ржаную булку. – А почто ты его взял?

Федор Иванович усмехнулся, глаза лукаво заблестели.

– А ну как с Мишкой Романовым не выгорит у нас дело? Ну как мальчика-то и выберут? Кто тогда при нем, малолетнем, за главного будет, а? То-то, воспитатель его да предстатель.

– Хитро, – усмехнулся Телепнев. – И впрямь поваден он нам, пока в летах-то несовершеннолетних. Да только вряд ли Салтыковы обрадуются, коли их родню, Романовых, обойдут в царском выборе.

– Ну, это так, на случай. Все ж Миша повыгоднее будет. Батюшка его у вора Тушинского в лагере патриаршествовал, значитца, мстить нам за то, что польского королевича на русский трон звали, царь не сможет. Опять же, я Романовым – сродственник.

– Оно конечно, но за младенца легче будет уговаривать, он вроде как ставленник Божий получается. Как звать-то его?

– Петром. Нам с тобой, Василь Григорыч, что Миша, что Петя – оба повадны. И надобно теперь учинить, чтоб других искателей державы случаем не выбрали. Разумеешь?

– Сказывай, что придумал, – усмехнулся Телепнев. Хорошо зная Шереметева, он ни на секунду не усомнился, что у того уже есть план.

– Ну, гляди: среди Шуйских и Годуновых есть хотельщики, но их всурьез и обдумывать не будут, дабы не мстили они за загубленных царей-сродственников. Из Голицыных никого не осталось, Василий полонен вместе с Филаретом, Андрейка погиб, а Ивашка ни на что не годен. Ивана Романова да Черкасского не кликнут, у них сторонников мало. Сурьезные претенденты – боярин Иван Михалыч Воротынский и князь Куракин, вот против них бы что измыслить... А боле прочих видится мне опасным князь Пожарский. Остальные-то – кто в седмочисленных боярах сидел, кто в Тушинском лагере, как Трубецкой, так что их бояться нам не след.

– Н-да, Дмитрий Михалыч человек видный, спаситель отечества. Только я тебе, боярин, так скажу: коли ты извести его надумал, то мне с тобой не по пути. В венценосцы я князя Пожарского не хочу, но самолично ему в пояс кланялся, когда он Москву освободил. Он человек чести, а такие нашей земле нужны.

– Что ты, Василий Григорьич, что ты, – замахал руками Шереметев. – Я вот что мыслю: надобно нам его именем грамотку написать. Шведам. Желает, мол, Москва в цари Карла, ихнего королевича. А коль на Земском соборе об этой грамотке кто случаем проведает – вот и будет Пожарскому тяжельче в венценосцы пробиться. Что скажешь?

– Дельно, – улыбнулся дяк. – За такое не накажут, а в душах сумления останутся. Вечерком самолично напишу да со своим человечком отправлю. И тотчас пошлю кого-нить грамотку-то перехватить.

– Уговорились.

Шереметев от души обнял гостя. Тот потоптался, словно не мог решиться, но все же спросил:

– Мальчонку-то покажешь, Федор Иваныч?

– Дык пошли, секрету-то в том никакого нет.

Через несколько минут они уже входили в комнату Пьера, у двери которой мирно дремал посланник Пожарского. Мальчик тоже как будто спал, сложив ладошки под румяной щечкой. Хозяин с гостем тихо подошли к нему, и Шереметев прошептал:

– Вот он, Василь Григорьич.

– А с виду совсем обыкновенный, – усмехнулся думный дяк.

– Ну а как ты чаял, он с крылами, что ль?

Они тихо беседовали, а Пьер притворялся спящим, боясь пропустить хоть слово.

– Сведать бы, как он попал в церковь Успения, – пробормотал Телепнев.

– Архимандрит Авраамий пытается дознаться, и Пожарский тоже.

– А что ты с ним делать будешь, коли Мишу Романова царем нарекут? Почто тебе тогда чадо-то?

– Да мало ль, с младенцем всяко может случиться, наипаче с таким шустрым. Сам понимаешь, беда – она ведь всегда рядом ходит.

«Ничего себе! – обалдел Пьер. – Не компьютерные персонажи, а форменные бандиты! Мало того что я в детском теле, так еще каждый, кому не лень, норовит прикончить. Значит, Жюно решил меня из игры вывести? Своего протеже продвигает? Не выйдет!»

– Тсс, Федор Иваныч, тут об таком невместно.

– Помилуй, Василь Григорьич, ему годков-то сколько? Коли и проснется, не уразумеет, о чем я рассказываю.

Потоптавшись с минуту, они вышли, а Пьер рывком сел в кровати. Похоже, пора действовать. Надо срочно что-то придумать, если он не хочет расстаться со своей компьютерной жизнью и тем самым провалить испытание.

Немного поразмышляв, Пьер полез под лавку, где стоял детский горшок.

Василий, страж, присланный князем Пожарским, лениво потянулся, лежа на лавке у двери. Ночь прошла спокойно, он выспался и теперь был в прекрасном настроении. Эх, хорошая у него работенка, не суетная. Князь Дмитрий Михайлович дал строжайшие распоряжения: не спускать глаз с мальчонки и тщательно следить, чтобы с ним не случилось беды, но пока ребенку явно ничего не грозило.

Пожарского Василий буквально боготворил, тот, можно сказать, спас его от смерти. Парень был крепостным дворянина Колоева, имевшего большой двор в Ярославском уезде. Отец Васьки, боевой холоп, погиб еще при царе Дмитрие, из близких людей остались лишь мать и невеста, Настена. Два года назад, когда через их места проходило первое ополчение, случилась беда. От войска отстало несколько отрядов, состоявших из беглых крепостных и разбойников, которые называли себя казаками. Они не стеснялись грабить местных жителей, пройдя по Ярославскому уезду опустошительной волной. Одной из их жертв стала Настена: изнасилованная пьяным негодяем, она повесилась на собственной ленте прямо в спальне.

Казаки ушли, а Васька так и не узнал, кто погубил его невесту. Едва пережил беду – пришла следующая: тяжело заболела мать. А вокруг голод, разруха. Парень стал воровать горох и чечевицу в хозяйских амбарах, чтобы прокормить матушку. Всякий раз у Васьки душа переворачивалась, когда он вспоминал, как она плакала, принимая из его рук обжигающе горячую похлебку, как благодарила...

Но не помогло: она умерла, а вот самого Василия поймали. Барин повелел бить его розгами, «пока не сдохнется». Каким-то чудом парню удалось бежать, и он упал к ногам князя Дмитрия, ополчение которого как раз стояло в Ярославле. Это было совсем другое войско – солдаты не грабили, не убивали, напротив, старались помочь местным жителям: где забор поправят, где огород вскопают.

Пожарский пожалел Василия, выкупил его на собственные средства и оставил при себе. И не прогадал: парень из всех сил старался быть полезным. Показав себя при взятии Москвы отчаянным смельчаком, он заслужил уважение Дмитрия Михайловича и теперь выполнял его личные поручения. Поэтому к мальчонке, столь важному для Руси, князь приставил именно его.

Нисколько не сомневаясь, что Петр – посланец Господа, Василий считал свою миссию ответственной и почетной. И был уверен: если бояре друг с другом и договорятся, то непременно выберут кандидата, выгодного для них самих, а о счастье простого народа не задумаются. Поэтому он тщательно приглядывал за ребенком и оберегал от малейшей опасности.

Потягиваясь и зевая, Василий неохотно сел. Сейчас придет Агафья, хоть и отставленная, но все еще помогавшая ухаживать за беспокойным мальчишкой. Стражу она нравилась, и он никогда не упускал случая поболтать с ней.

И в самом деле, вскоре появилась мамка. Взглянув на Василия, улыбнулась:

– Все почитаешь?

Тот бодро вскочил, приобнял ее и, ущипнув за бок, пропел:

– Жаль больно, что без тебя.

– Охолопись, нахальник! – рассмеялась Агафья и толкнула дверь в спальню Петра. – Уйди, окаянный, пора мне ставенку сымать.

Оставив свечу на пороге, она шагнула в комнату. Василий снова сел было на лавку, как вдруг мамка заголосила:

– А-а-а! Батюшки-светы! А-а-а!

Парень рванул к ней, его рыжие волосы растрепались, на веснушчатом лице застыла тревога. В горнице было темно, снять ставень женщина не успела. Стоявшая на пороге свеча отбрасывала тусклый свет на ее грузную фигуру.

– Чего орешь?!

Агафья, не в силах больше сказать ни слова, с ужасом тыкала пальцем в сторону постели мальчика. Василий взглянул туда и оторопел: над еле видимым в темноте ребенком сияли зеленоватым светом какие-то буквы. Парень застыл, потрясенный невиданным зрелищем, а комната между тем набилась челядинцами, которые сбежались на крики мамки. А та все тыкала и тыкала в буквы, другой рукой зажимая рот.

Едва взглянув на светящуюся надпись, девки визжали, а мужики ошеломленно замирали, потом крестились и бормотали:

– Мать честна!

– Диво, эко диво!

– А что начертано-то?

– Откуда ж у нас грамотеи.

– Святые угодники, это чего ж такое?!

– Федор Иваныча надобно кликнуть.

– Да нет его, в храме он.

Бородатый старичок в сермяжной рубахе бухнулся на колени и с размаху приложился блестящей лысиной к половицам:

– Заступница Небесная, спаси нас и помилуй!

Василий наконец пришел в себя, рванулся к лавке, схватил Пьера на руки и бросился вон из комнаты. И вовремя: едва он достиг низенькой притолоки, как зеленоватое свечение превратилось в огонь, буквы вспыхнули бело-зеленым пламенем, и толпа разом ахнула. Пошел едкий, удушливый дым, все закричали, закашляли, а Василий, закрыв Пьеру лицо огромной ладонью, завопил:

– Ставень сымите, оконце откroyте!

И бросился в сени. Там, отдышавшись, он расстегнул кафтан и укрыл им мальчика. Холопы, выбегавшие из комнаты, метались рядом с ними, все еще кашляя и заполошно отдавая друг другу приказы:

– Дверь, дверь замкните!

– Воды сюда!

– Ванька, беги в храм за хозяином!

Перепуганная Агафья наконец вспомнила о Петре.

Дернув Василия за рукав, она прокричала:

– Как малец? Жив?

– Чего орешь, он и так напугался, – отмахнулся тот и наклонился к мальчику: – Все хорошо, не бойсь, милоч. Мы с тобой тута маленько посидим, покамест хозяин не вертается...

Между тем весть о происшествии в доме Шереметева быстро распространялась, и вот уже из соседних дворов стали прибегать люди с расспросами. Им рассказывали о чуде, как водится преувеличивая и привирая, и вскоре оказалось, что сам мальчик, посланец Господень, выбрасывал в воздух таинственные знаки, а потом движением руки их сжигал. На Петра, сидевшего на коленях у Василия, косились с опаской и благоговением.

– Здорово, чадо! – раздалось над ними.

Пьер поднял голову и увидел Филимона, того самого монаха, что качал его на руках в Успенском соборе. Он улыбнулся и потянулся к нему.

– Гляди-ка, признал, – обрадовался чернец и потряс ребенка за пальчик.

– Ты кто? – требовательно спросил Василий, отстраняясь и пряча малыша за спину.

– Дык это... писарь из Чудова, Филимошка. Мальчонку-то твою я нашел при алтаре.

– А здесь чего тебе надобно?

– Архимандрит прислал. Сведай, грит, что там за буквицы таинственные сверкали. Велено их записать и прочесть владыке.

Василий усмехнулся.

– Как чего было – я обскажу. Своими очами видел диво неизглаголанное. А вот что там начертано, не ведаю, безграмотный, уж не обессудь.

– Дык пойдем поглядим, – предложил Филимон.

– Эва, поглядим, – засмеялся Васька. – Буквицы-то сгорели, а дымина такой пошел, что не продохнуть. Теперь вот, вишь, сидим тута, вертаться боязно.

– Как так – сгорели? Ну-ка, давай сказывай по порядку.

Василий откашлялся, приосанился и выдал историю в красках и со всеми подробностями. Филимон слушал, дивясь и недоверчиво усмехаясь.

– Что ты хмыкаешь? – рассердился Василий, и веснушки на его лице вспыхнули. – Сказываю, все так и было, вот те крест.

– И прям ярким пламенем буквицы горели?

– Истину Васька глаголет, – кивнула стоявшая неподалеку Агафья. – Ни в чем не слукавил.

Филимон, переведя взгляд с нее на стражника, решительно кивнул в сторону двери:

– Пойдем-ка глянем.

– Куды? Ступай один, я с дитяти глаз не спущу. А с ним идти несподручно, а ну как беда какая учинится.

– Давай подержу покамест. – Агафья с опаской протянула руки.

Поколебавшись, Василий передал ей ребенка, на всякий случай погрозил пальцем – сте-реги, мол! – и пошел с Филимоном в комнату Пьера. За ними, переглядываясь и пожимая пле-чами, потянулись боярские холопы.

Филимон зашел первым, отворив тяжелую дверь. Через распахнутое оконце комнату наполнял морозный московский воздух. Монах огляделся – неплохо мальца пристроили – и повел плечами:

– Брр, студено...

И вдруг замер: в полутора аршинах выше лавки, служившей ребенку постелью, на кра-шеной стене копотью чернели буквы.

– Царь, – прошептал Филимон.

– Чаво? – переспросил кто-то из челяди, уже набившейся под низенькой притолокой.

– Царь, – заворуженно повторил монах и обернулся к Василию: – Эти буквицы пламенем горели? Помнишь ты их?

– Вроде эти, – неуверенно кивнул страж, и народ зашумел, подтверждая.

– Да они это, они. Что начертано-то?

– Сказываю ж, «царь»! – рявкнул Филимон, но холопы по-прежнему вопросительно смот-рели на него.

– Что, вот прям «царь»? Вот прям истинно так?

– Чего тут у вас? – сквозь толпу, тряся бородой, протиснулся Шереметев, встал посреди комнаты, глянул на стену и потрясенно выдохнул: – Царь...

Домашние зашумели, заахали и принялись креститься. Послышался разноголосый шепот:

– Господь Вседержитель!

– Знак дала нам Царица Небесная.

– Видано ли дело...

– Прямо ж над ним!

– Что там? Что? – верещала Агафья, пытаясь с Петром на руках протиснуться в комнату.

Ее пропустили, и она в оцепенении уставилась на стену. Потом, словно о чем-то вспом-нив, повернулась к Шереметеву:

– Батюшка Федор Иванович, не моя вина, вот те крест!

Боярин несколько секунд непонимающе смотрел на нее, а потом вдруг расхохотался. Его пухлые щеки колыхались, из открытого рта смотрели подгнившие зубы. Насмеявшись вдоволь, он принял грозный вид, обвел толпу тяжелым взглядом и гневно спросил:

– Кто это учинил?!

Холопы, вобрав головы в плечи, молча косились друг на друга. Потом один из них, самый смелый, сделал полшага вперед:

– Не серчай, батюшка, лучше послухай, как дело было, – и рассказал Шереметеву о слу-чившемся.

Федор Иванович верить не спешил, а потому и мамка, и Василий, и многие другие были подвергнуты строгому допросу. Но все как один твердили о чуде, и боярину так и не удалось дознаться, чьих рук это дело.

К вечеру суета улеглась. Писарь Филимон по приказу архимандрита остался в доме Шереметева, чтобы записывать все происходящие чудеса. Теперь он, как и Василий, сидел на лавке в сенях, готовый в любой момент встать грудью на защиту «посланника».

В комнате прибрали, но буквы пока закрашивать не стали. Пьер смотрел на них и мысленно усмеялся. Да, нелегко ему далось это шоу.

После подслушанного разговора Шереметева с дьяком он долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок, вспоминая слова боярина. «Беда всегда рядом ходит» – это ж надо, а?! Ничего себе условия придумали для него неугомонные программисты! Ладно, только бы отсюда выбраться, а уж там он им задаст! А сейчас надо думать, думать. Да, похоже, без хитрости здесь не выжить.

Простыня на постели сбилась, и Пьер уткнулся лицом в пахнущую дымом медвежью шкуру. Эх, превратиться бы в зверюгу какую-нибудь и всех их напугать до полусмерти... Впрочем, злость тут не помощник, надо придумать что-то необычное, яркое. Яркое?!

Пьер рывком сел. В голове мелькнуло воспоминание, как мальчишкой он баловался с приятелями.

«Ладно, я вам покажу собаку Баскервилей!»

Утром, едва позавтракав, Пьер подошел к Василию и потребовал:

– Гулять!

Возможно, он мог бы говорить и лучше, но что-то подсказывало – окружающим об этом знать не стоит. И потому Пьер при любой нужде ограничивался одним-двумя исковерканными словами.

Малыша одели и под присмотром стражника отпустили гулять. Елки-палки, карманов нет! Ох, точно, их же еще не придумали... Надо обязательно «изобрести»! Выйдя на высокое, с витыми столбами, крыльцо, Пьер оглядел двор: беленая златоглавая церквушка, рядом погреба, голубятня... Все это он уже видел много раз. Но где же найти... А, вот, конюшня. То, что нужно.

Василий протянул руку, и они спустились по скрипучим ступеням. Пьер для вида покопался в снегу, а потом, празднично шатаясь из стороны в сторону, словно ненароком подошел к конюшне и ткнул в нее пальцем.

– Хосю!

Василий пожал плечами и заглянул внутрь.

– Ну давай покажу. Лошадки тут живут, красивые – страсть.

Пьер бочком протиснулся в дверь и удовлетворенно улыбнулся: он нашел то, что искал. Пол в конюшне был покрыт толстым слоем песка. С радостным писком он присел в уголке и принялся лепить куличики.

– Ох, дитя неразумное, почто ж ты лошадок-то не смотришь? – засмеялся Василий и принялся сам разглядывать стоявших в стойлах коней.

Он прицокивал языком, поглаживая лоснящиеся крупы, а Пьер между тем незаметно насыпал песка в заранее приготовленный мешочек и спрятал его за пазуху.

Ночью, когда все спали, он достал ночной горшок с мочой, засыпал туда песок и уголь из ведерка. Брезгливо поморщился: н-да, запахок не очень. Процесс, конечно, не из приятных, но ничего, можно и потерпеть, был бы результат. Пьер обмотал руку полотенцем, снял заслонку с печи и осторожно поставил в угол. Эх, только бы получилось! Накрыв горшок крышкой, он сунул его в горящие угли. Не обжечься бы... Маленькие детские ручонки слушались плохо, и пришлось порядком помучиться.

Провозившись несколько часов и все-таки обжегшись, он, наконец, получил то, что хотел: желтый фосфор. Пьер смотрел на него не без опасения: жутко ядовитая гадость, нужно держать его закрытым. Прикрыл горшок крышкой и оставил рядом с лавкой до утра, пока не услышал

возню и разговоры за дверью. В тот же миг он взобрался на скамеечку для ног, которую заранее поставил на свое ложе. Орудуя деревянной ложкой, украденной на кухне, нанес фосфором буквы на стену, спрятал скамейку и горшок под «кровать», а ложку – под подушку, накрылся периной и притворился спящим. Не прошло и минуты, как дверь открылась, и началось представление.

Впрочем, часть его оказалась сюрпризом и для самого Пьера. Он никак не ожидал, что фосфор загорится, и потому с радостным удивлением смотрел на пламенеющую надпись. Вот удача так удача! Но как опасно!

«Эх, горе-инженер. Надо быть осторожнее, а то спалю на фиг всю виртуальную реальность», – весело думал Пьер.

Глава 5

Погожим январским днем по дороге на Перемышль, что под Калугой, ехали сани. На душе седока, князя Ивана Петровича Буйносова-Ростовского, было беспокойно, он торопился и беспрестанно подгонял возницу:

– Гони, Архипка, гони, надобно поспеть засветло.

Сухонький старичок с жидкой заиндевелой бородкой, высунув нос из широкого ворота тулупа, послушно хлестал лошадей:

– Н-но-о-о!

Буйносов возбужденно смотрел на пролетающие мимо глухие леса. Это ж надо, какой шанс выпал! Такой раз в жизни бывает! Лишь бы сестрица не заартачилась.

Светило солнце, под полозьями скрипел наст. Тройка быстро мчалась по заснеженной санной дороге, и часом позже разбуревшийся от мороза Иван Петрович уже взбегал по лестнице резного деревянного терема. Был он высок, широкоплеч, лет тридцати пяти; глаза смотрели дерзко и весело, бархатная шапка-мурмолка, лихо заломленная набок, придавала ему почти разбойничий вид.

Среди холопов случился легкий переполох, один принялся отряхивать от снега сафьяновые сапоги гостя, другой подскочил, чтобы принять его шубу, третий метнулся предупредить хозяйку.

Горделиво расправив плечи, Буйносов шагнул в горницу, а из внутренних покоев навстречу ему уже спешила молодая женщина в длинном синем охабне, из-под которого виднелись рукава парчовой рубашки.

– Боярыня, – с улыбкой поклонился князь. В глазах его замелькали озорные огоньки.

– Ивашка. – Она обняла его и троекратно расцеловала. – Здравствуй, братец.

– А ты цветешь краше прежнего, Машута. Мужней женой быть тебе к лицу.

Женщина зарделась и шутливо махнула рукой. Это была сестра Буйносова, Мария Петровна. С тех пор как она вышла замуж за боярина Ивана Воротынского и переехала в Перемышль, виделись они редко, так что приезд брата был для молодой хозяйки большой радостью.

Род Буйносовых-Ростовских происходил от Рюриковичей, оба – и Иван, и Мария – были знатнейшими людьми. Их старшая сестра, Екатерина, пять лет назад стала женой царя Василия Шуйского, а после его низложения томила в монастыре.

А теперь сразу два родственника Буйносова считались претендентами на престол. Одним из них как раз был муж Маши, боярин Воротынский, вторым – князь Иван Семенович Куракин, брат его жены Марии Семеновны.

– Ой, батюшки, да что это я? – всполошилась хозяйка. – Пожалуй к столу, сейчас трапезничать будем.

– Постой, Марыюшка. Дело у меня, неможно нам время терять. Ивана-то твоего нет?

– Так в Москве ж он.

– Ну да, ну да. Оно и хорошо. Проводи-ка в свою светелку, чтоб никто нам не мешал.

Вскоре они уже сидели на обитых мягким сукном стульях друг напротив друга.

– Что стряслось, Ваня? – спросила Мария.

– Не пужайся, сестрица, ничего дурного. Супротив того, коли мы с тобой поспешаем, то может статься, лучше прежнего заживем. Слышала ты про младенца, посланца Божьего?

Глаза боярыни округлились от удивления.

– Не слышала. Неужто Господь смиловился и послал нам, грешным, заступника?!

Погладив небольшую бородку, Иван посмотрел в забранное ажурной решеткой окно. Да, нелегко будет убедить сестру... Скажешь что не так – и упустишь столь близкое счастье. Она баба пугливая. Он натужно откашлялся и начал:

– Недели две аль три тому на алтаре Успенской церкви нашли мальчика. Уж затемно было, спать ложились, ключарь пошел замкнуть, а тут он, орет как оглашенный. Народу сбежалось – страсть. И бояре, и челядь. Крест на нем был какой-то невиданный. Федор Шереметев подхватился и забрал чадо в свои палаты, дескать, для евовного обережения.

Женщина смотрела с удивлением и недоверием, то крестясь, то качая головою.

– И теперича на Москве весь люд посадский болтает, что младенца того царем нарекут. А мне не верится, что и впрямь посланец он. Мыслю я, кто-то из бояр сынка своо подложил, дабы потом от его имени сподручно было править. Смекаешь, куда я клоню?

Мария покачала головой. Буйносов недовольно поморщился:

– Ну что же ты, сестрица? Неужто объяснять надо?

– Ну, слухай. Пока еще младенца на Москве мало кто видал, так что ежели мы поспешаем, то сможем его подменить на Алешку. И тогда вот она, держава-то царская, только руку протяни.

– На какого Алешку? – удивилась сестра.

– Очувствуйся, Марусь, – начал терять терпение Буйносов. – Забыла, как сына твоего звать?

На лице женщины мелькнуло понимание, она тут же вскочила и заполошно всплеснула руками.

– Да в уме ли ты, Иван? Чтоб я свою кровиночку на такое дело отдала?

Ну вот, началось. Ох и хлопотный народ эти бабы!

– Тихо, тихо. Сядь и послушай. Супружник-то твой алчет государем на Москве сесть?

Мария кивнула.

– А выберут его?

– Не ведаю я, братец.

– Вот то-то, а я ведаю. Вся Москва нонеча за младенца этого, и коли мы чего с тобой не надумаем, не видать Ваньке твоему державы как ушей. Да помысли, сестрица, он же тебе благодарен будет, шутка ли – царев отец! Да и ты государыней станешь.

Но женщина лишь испуганно смотрела на брата и качала головой.

– Не пойму я тебя, Маруся, али ты сыну своему счастливой планиды не желаешь? Ты только слушайся меня, и тогда и он, и вы с Иваном до конца дней будете пребывать в покое и благодати.

Сладкие речи проникали в сердце Марии, будя в ее воображении картины будущей жизни в царских теремах.

– Так а что делать-то надобно?

Мимолетная улыбка мелькнула на губах Буйносова. Наконец-то! Похоже, дело сдвинулось.

– В вечеру своим челядинцам скажи, что с Алешкой сама погулять желаешь. Выйди за околицу, я его там и заберу. А ты погоди маленько, а потом криком кричи: пропал, мол, сын. Люд со всего посада сбежится, ты рыдай да сказывай: появился-де с небес свет золотой, столбом вниз, да прямо на Алешку, а как рассеялся – мальчика-то и нету. И прикажи тута бегать да искать его везде, дня три, не меньше. А я покамест того мальчонку-то выкраду да на нашего Алешку и подменю.

Побледневшая Мария с ужасом смотрела на брата, глаза ее блестели в сгущающихся сумерках. Она никак не ожидала, что придется отдать сына. Нет, такое не стоит царского венца!

Иван встал, зажег сальную свечу и поставил на столик для рукоделия. Ему было не по себе от взгляда сестры, но отступать он не собирался. Не каждый день такой шанс выпадает. Он добьется своего, даже если придется забрать мальчишку силой. Помедлив с минуту, продолжил:

– К мужу письмишко пошли об сем, все обпиши, но не ране, чем через два дня. А потом делай вид, будто услышала, что чадо Алешкиных годов в церкви Успения нашли, да в Москву

поезжай. Там тебе каждый укажет, где его искать-то – у Шереметева. Одна ли, с Иваном ли – приходи туда, требуй у боярина показать мальчишку. Только не сказывай, что он третьего дня пропал, скажи, мол, раньше. А как увидишь его... ну, сама ведаешь, как голосить-то на радостях.

Мария сидела не шелохнувшись, округлившимися глазами глядя на брата. Прошла минута, другая... Иван с волнением ждал ответа. Наконец, словно очнувшись, она решительно покачала головой.

– И не думай, не отдам я Алешку. Видано ли дело? А ну как кто сведает?

– Да кто может сведать? – Иван соскользнул со стула и встал рядом с сестрой на одно колено. – Сама помысли, Маруся, кто?

«А коли и сведают, так я шурина всю затею обскажу, будто это Воротынский замыслил. И будет тогда у Куракина на одного соперника меньше в борьбе за державу, а уж он меня отблагодарит».

– Да любой сможет подмену признать. Ведь ребетенки разные, то ж не младенцы грудные, третий годок чай.

Иван натужно рассмеялся. Экая непонятливая баба, ей счастье на блюдечке преподносят, а она ерепенится!

– Не пужайся ты зазря, Марусь. Кому из бояр дело есть его разглядывать? А детки все одинаковы, белобрысы да кучерявы. Это ж только ты свою и отличаешь.

– А как ты дитя-то подменишь?

– У-у, об этом не печалься, сестрица. При нем охранник стоит, уж с ним-то я завсегда уговорюсь. Твое дело только шум поднять да в Москву приехать и там мальчика за свою признать. Только подробно обскажи Алешке, чтоб он там не шумел, а коли будут спрашивать про мамку, пусть на небеса кажет.

Несмотря на уговоры, боярыня все еще сомневалась.

– Грех-то какой, Ванечка!

– Да с чего грех? Сказываю ж, не посланец то вовсе, а боярское дите, кто-то из них подсутился да свою сынишку в Успенскую церковь и подкинул. Эх, жаль, я сам не скумекал ране такое учинить.

– Боязно мне, братец. Как он будет без материнского присмотра-то?

– Положись на меня, я за Алешку животом отвечаю. Уж поверь, ни волосинки с головушки его упасть не дам.

Видя, что сестра все еще колеблется, князь решительно добавил:

– Право, Маруся, смешно. Я ей престол в дар подношу, а она противится. В общем, не послушаешь чеством – скраду мальчонку. Дело-то государственное! Не ты ль говаривала, дескать, Руси честный государь надобен? Аль твой Иван Михалыч не таков?

Мария закрыла лицо ладонями и долго сидела так, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Наконец опустила руки и вздохнула. Может, она слепо верила брату, а может, искушение побороло страх в ее сердце, но она ответила:

– Будь по-твоему, братец.

– Ну, вот и ладушки, – обрадовался Буйносов. – Давай собирай Алешку, а я за околицей, у Калужской дороги, подожду тебя.

В то утро Василий отправился с докладом к князю Пожарскому. Мальчонку оставлять было боязно, но дело есть дело, и, строго-настрого наказав Филимону не спускать с дитяти глаз, он пошел на Орбат.

Было холодно и пасмурно, ветер гнал над Москвой мрачные сизые тучи, а над куполами Троицкого подворья с карканьем кружилось воронье. Даже здесь, в сердце Руси, чувствовались разруха и запустение.

Миновав Житничную, Василий через Ризоположенские ворота покинул Кремль. Но едва перешел мост над Неглинкой, как из проезжающих мимо саней его окликнули:

– Здорово, служивый!

Оглянувшись, Василий увидел в санях человека лет сорока, в военном кафтане и накинутом на плечи тулупе. Маленькие хитрые глазки прищурены, кустистые черные брови почти срослись у переносицы. То был Савелий Ковров, доверенный человек князя Буйносова.

– Васька, никак ты? – радостно воскликнул он. – Куда путь держишь?

– На Орбат, – осторожно ответил парень. – А ты, мил человек, кто будешь?

– Вот те раз! Я ж Гришка Потапов, – назвал Савелий первым пришедшим в голову именем, – мы с тобой в ополчении в одном отряде служили. Аль запамятовал? Залазь, подвезу, до Орбата путь неблизкий.

Василий готов был поклясться, что никогда не встречал чернобрового незнакомца. Но тот его явно узнал, с чего бы? Движимый крестьянской пытливостью, он полез в сани. Уселся на обитое сукном сиденье и выжидательно взглянул на «Гришку», нисколько не сомневаясь, что вскоре во всем разберется.

– Трогай! – крикнул Савелий вознице и повернулся к Ваське: – Ну, рассказывай, где ты, как ты.

«Тут надобно с осторожностью», – подумал парень, а вслух ответил:

– С Божьей помощью, служу помаленьку.

– Все так при князе Дмитрие Михалыче и состоишь?

– Твоя правда, при нем.

– А я тут к одному пристроился, так, веришь ли, живу – горя не ведаю. Хороший хозяин, тароватый⁴. Задание какое даст, сделаешь – что хошь проси у него. Вот у тебя есть заветное желание?

– Да, вроде, нету.

– Вот прям-таки нету? Деньги там аль земли?

Да кому они нужны, деньги и земли. Вот если б хоть одна родная душа осталась у него на белом свете! Мать в сырую землю легла, невеста повесилась, а виновник ее смерти где-то гуляет, жрет и пьет вволю... На глаза Василия навернулись слезы, и, на мгновение потеряв бдительность, он ответил:

– Чтоб сыскали того стервеца, что насильничал мою Настену.

– У-у, этот сыщет, не сумлевайся, – важно кивнул Савелий. – Уж для такой-то малости моему хозяину только пальцем шевельнуть. Давай, Васьк, переходи к нему на службу. Тем паче, рассказывают, твой князь-то опростоволосился?

– Как так?

– Не слыхал? – рассмеялся чернобровый. – Вроде бы поймали на Волоцкой дороге посыльного с грамоткой, Дмитрием Михалычем твоим писанной. Будто зовет он на престол московский шведского королевича. Рассказывают, князь от грамотки той на Земском соборе отрекался, мол, она подметная, и на том крест целовал. Но многие теперича на него злы, и веры ему стало меньше. Неужто и правда не слыхал? Аль ты не при его особе состоишь?

– Нет. То есть да, состою, но ныне у меня особое дело. Кто ж заместо князя грамотку-то начертал?! Сведу – самолично придушу поганца!

– Постой-постой, особое дело, рассказываешь? А это не ты ль мальчонку охраняешь, коего на алтаре нашли?

⁴ Тароватый – щедрый.

Василий почувствовал, что как раз это и интересовало загадочного Гришку. Похоже, они подходят к самой сути... Ладно, мил человек, давай, пытайся, посмотрим, кто окажется хитрее. Он улыбнулся и беззаботно кивнул:

– Я.

– Ого, так ты ж моему хозяину и надобен! – обрадовался Ковров. – Слушай, что скажу. Есть к этому дитяте у него свой интерес, и ежели ты ему пособишь, так и обидчика Настены сыщешь, и сам обогатишься. Поверь, мой Иван Петрович не поскупится.

– А что делать-то надобно?

Васька по-детски распахнул глаза, всячески демонстрируя желание помочь неведомому Ивану Петровичу.

Савелий внимательно посмотрел на него, придвинулся поближе и зашептал:

– А вот чего. Нынче вечером выведи мальчонку во двор, а я к забору подъеду с улицы. Со мной тоже дитя будет, такого ж росту и возрасту. И мы в темноте мальцов и поменяем. Тебе-то различия нету, которого охранять, а хозяин мой за это позорника того сыщет да деревеньку тебе в удел даст. Ну, по рукам?

«Так вот оно что! – похолодел Василий. – Богом данное чадо хотят на чьего-то сына подменить! Ну все, нехристи, теперь вы попались!»

Боясь спугнуть удачу, он напустил в глаза дури и преданно кивнул:

– Сделаю. Только и ты уж не подведи меня, Гриша. Надобно, чтоб твой Иван Петрович непременно сыскал того, кто Настену... Ну и деревенька, вестимо, лишней не будет.

– Не подведу, не сумлевайся. Эх, паря, мы с тобой таких делов научиняем! Ну, вот и Орбат. Ступай, Васька, да про встречу в вечеру не запамятуй.

Глава 6

На следующий день в крестовой палате боярина Шереметева беседовали трое. Сам хозяин сидел на покрытой бархатной накидкой лавке, привалившись к бархатной же подушке. Напротив него на мягком стуле с резной спинкой восседал Дмитрий Михайлович Пожарский. Третьим был князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Невысокий, плотный, с прямым носом и широкой, окладистой бородой, он больше года возглавлял первое ополчение и держал поляков в осаде до прибытия второго, а потому, как и князь Пожарский, носил гордое звание Спасителя отечества.

Все трое были сосредоточенны, даже мрачны. Накануне Василий, прибежав к хозяину с докладом, застал у него Трубецкого и поведал обоим о плане подмены мальчишек. Князя, снесясь с Шереметевым, попытались схватить таинственного «Гришку», но тот вырвался и дал деру, оставив в руках преследователей маленького Алешу.

– Эх, жаль, вечор того стервеца не поймали, – вздохнул Федор Иванович. – А все твои, князь, челядинцы. Уж до чего нерасторопны!

– Не беда, – отмахнулся Пожарский, запустив руку в густую кудрявую шевелюру, – дознаемся.

– Давайте-ка, други, помыслим, что нам ныне вестно учинилось. – Трубецкой встал и прошел по комнате. С минуту постоял, разглядывая обитую дорогим красным сукном стену.

«Надобно вычислить негодника, что это дельце с подменой мальчика замыслил. Ох уж эти бояре, так и норовят к венцу подобраться. Как освобождать их из полона, так Трубецкой, а как речь о державе, так обо мне и позабыли. А разве ж я не заслужил? Москву осадил позапрошлым летом, когда о Пожарском еще никто и не слыхивал! А из Китай-города кто ляхов нынешней осенью выбил? Кто живота не жалел, ведя дворян и казаков на приступ? Кому „за многие службы, за храбрость, за правду и за кровь“ Шенкурск с землями в удел пожалован?»

Дмитрий Тимофеевич с негодованием посмотрел сквозь разноцветные стеклышки окна на широкий двор. Как тихо, мирно. Было бы так, если б он полтора года не держал поляков в осаде? Нет, конечно. Ему, ему Русь обязана своим избавлением! Уж кто, казалось бы, больше его заслужил царский венец? Так нет же! Половина Земского собора кричит Мишку Романова, другая – Петьку-подкидыша, а бояре, змеи подколенные, сами к престолу рвутся. А разве они землю родимую спасали? Они за нее кровь проливали?! И даже казаки, слуги верные, по большей части отвернулись. Кто-то за князя Черкасского, кто-то – все за того же Романова. А его, Трубецкого, шансы тают на глазах.

– Че сказывать-то собирался, Дмитрий Тимофеич? – прервал его размышления Пожарский.

– А? Да вот мыслю, малец у нас, стало быть, можно его порасспросить.

Шереметев, привычно уткнув щеки в жемчужный ворот-козырь, фыркнул:

– Да кого там расспросить? Дитя неразумное, из-под лавки не видать. Только и бормочет «маменька» да «маменька».

– Во-от, – кивнул Трубецкой, – а у маменьки-то имя, поди, есть. Вот и дознайся.

– Спрашивал, сказывает, Мария.

– Пречистая? – восторженно воскликнул Пожарский.

– Да ну, князь, мало ли Марий на белом свете. Мовет, так матушку его и кличут.

– А самого-то мальчика как звать?

– Молчит, не отвечает. Видать, подучил кто. Думайте, братцы, думайте. – Шереметев перекрестился на иконы в красном углу и снова обернулся к собеседникам. – Это должен быть кто-то из верхних бояр, нам ровня, с сынком такого возраста и женой по имени Марья. Никто на ум не приходит?

– Васька сказывал, тот стервец Гришкой Потаповым назвался, – напомнил Пожарский. – Как прибег ко мне вчерась, так мы с Дмитрием Тимофеичем и обомлели. Это ж надо такое удумать – мальцов поменять!

– Да помню я, помню, – отмахнулся Федор Иванович. – Запомнюешь тут, когда вы как оглашенные ко мне галопом прискакали.

– Дык боялись, как бы чего с мальчонкой дурного не вышло.

– И все ж жаль, что не поймали охламона. Хорошо хоть, ребетенка из его рук успели вырвать. А ежели б мы его самого взяли, так допрос по всей форме учинили бы, и тут уж ему никуда не деться. Выложил бы нам все: и про хозяина своо, и про то, чей малец этот. Ох, святые угодники, еще недавно не было у меня ни одного дитяти, а теперь аж двое тут толкуются.

– Чай ты сам вызвался, – усмехнулся Пожарский, постукивая по ковру сафьяновым сапогом. – Васька сказывал, того хозяина Иваном Петровичем кличут.

– Имя-то уж больно частое. У нас пол-Москвы Иванов, и чуть не все Петровичи.

– У боярина Воротынского сын Алешка как раз такого возраста.

– А вот он как раз хоть и Иван, но Михайлович, – ответил Трубецкой и снова задумался.

Как же получить царский венец? Чем, к примеру, взял этот Петька приبلудный? Чудесами. Это князь Дмитрий знал доподлинно: его палаты находились на Никольской, в одной улице от двора боярина Шереметева, и слухи через челядь доходили мгновенно. Но в чудесах он был не силен, значит, придется придумывать что-то реальное.

«Надобно казаков к себе перетянуть. Ежели они мое имя выкрикнут, может, Собор и не посмеет послушаться. Но что же измыслить, дабы они за меня встали?»

Князь сидел, погрузившись в свои мысли и не слыша того, о чем говорили Шереметев с Пожарским. Ему вспомнилось, как все любили молодого полководца Михайло Скопина-Шуйского, как горевали, когда он умер. А разве у него, Трубецкого, меньше военных заслуг перед Русью? Вот если бы... А что, это мысль! Тогда и чудо можно будет явить. Как раз у Мстиславского скоро именины...

Дмитрий Тимофеевич замер, устремив горящий взгляд на иконы. В голове молниями мелькали идеи. Не прошло и минуты, как план полностью сложился.

– Что ты, князь, все безмолвствуешь? Аль измыслил чего?

Ответить Трубецкой не успел. Раздался тихий стук, низенькая, обитая сукном дверь приоткрылась, и в комнату заглянула сенная девка. Робко вошла, поклонилась в пол и негромко сказала:

– Боярыня Воротынская пожаловали, батюшка.

Все трое переглянулись, Пожарский радостно хлопнул в ладоши.

– Вот оно, Федор Иваныч!

– И то. Чую, неспроста, – кивнул Шереметев. – С чего б боярыне вдруг ко мне жаловать. Он вскочил, засуетился, затряс бородой.

– Вы бы, князь, вон за той дверцей схоронились покамест. Там, в спальне, и ребенок этот безымянный сидит, порасспросайте, может, вам откроется.

Гости поднялись и направились во внутренние покои, а хозяин обернулся к девушке:

– Проси!

Минуту спустя дверь снова отворилась, и вошла Мария Воротынская в серебряном парчовом летнике, подбитом мехом, с длинными, до пола, рукавами. Жемчуг на воротнике и ман-

жетах скупно поблескивал в лучах падающего из оконца света. Склонившись под низкой притолокой, она шагнула в комнату, бледная, дрожащая.

– Боярыня Марья Петровна! – Шереметев улыбнулся и, расставив руки, слегка, по чину, наклонил голову.

– Здравствуй, батюшка Федор Иванович.

– Благодарствую за милость, проходи, матушка, усаживайся. Вмале трапезничать станем, уж не побрезгуй.

Умоляюще сложив руки, Мария с тоской взглянула на Шереметева.

– Беда у меня, Федор Иванович. Только ты пособить можешь, не откажи, Христом Богом прошу.

– Господь с тобой, матушка, да что учинилось-то? Пожалуй вот сюда, на лавочку. Ну, будет, будет, а то уж я и сам испужался. Эй, кто там? Водичу принесите студеной! Садись, Марья Петровна, рассказывай.

Боярыня села, дрожащими руками взяла принесенный холопом золоченый кубок, сделала пару глотков и глубоко вздохнула. Лицо ее было так бледно, что, казалось, на нем жили лишь глаза, тревожные, молящие.

– Сынишка у меня пропал, Алешенька, – начала она. – Надясь гуляли с ним в Перемышле, вдруг столб с неба златой, а как рассеялся – мальчика-то и нету. Я уж все очи исплакала, Иван Михалычу моему в Москву весть послала. А вечер услыхала, будто живет у тебя чадо годов двух аль трех, найденыш. Вот я и кинулась сюда, вдруг, мыслю, то мой Алешенька? Так поспешала, что и к Иван Михалычу не заехала, напрямик к тебе велела гнать.

Шереметев слушал и кивал, пряча под усами довольную улыбку. Выходит, не зря они на Воротынского думали, замазался боярин по самые уши.

«Ну ниче, мы тебя на чистую воду выведем».

– Так что? – тревожно спросила Мария, и Федор Иванович вздрогнул.

– А?

– Так аль нет? Нашел ты дитятю, батюшка?

– Ну да, ну да, как не найти. Тут он, живет у меня в палатах.

– Покажи мне его, умоляю! – воскликнула Воротынская и, соскользнув с лавки, упала перед Шереметевым на колени.

Федор Иванович в растерянности вскочил и принялся ее поднимать.

– Полно, полно, Марья Петровна, встань. Ну что ты, право? Вестимо, покажу. Хошь, так прям теперича и пойдем.

Обезумевшая от тревоги женщина смогла только кивнуть. Поддерживая ее под локоть, Шереметев повернулся к выходу. Но едва они сделали пару шагов, как дверь в крестовую палату распахнулась, и ввалился высокий тучный мужчина лет пятидесяти, в длинной шубе из золотой камки, обшитой драгоценными камнями. Обычно спокойный и степенный, сейчас боярин Воротынский был решителен и порывист, длинная борода торчала лопатой, глаза смотрели прямо и тревожно.

– Федор Иванович! – Он коротко склонил голову. – Уж не осердись, батюшка, проведал я, что моя боярыня к тебе поехала, вот и приказал сюда править без оплошки.

Шереметев, который во времена Семибоярщины немало попортил Воротынскому жизнь, заискивающе улыбнулся.

– Батюшка Иван Михайлович, милостивец, полно, куда ж тут серчать. Марья Петровна рассказывала, мол, сынок у вас пропал, эко горе. А у меня как раз мальчонка пришлый живет. Аккурат теперича собираемся пойти глянуть – авось признает его боярыня.

Федор Иванович осторожно подтолкнул Марию к мужу. Тот подхватил ее под локоть и укоризненно сказал:

- Что ж ты, Марьюшка, ко мне сначала не приехала? Вместе-то сподручнее.
- Женщина подняла на него виноватые глаза и тут же опустила их снова.
- Ступайте вперед, – распорядился Шереметев, – через сени направо.

Минутой позже все трое без стука вошли в комнату, где Пьер сидел на лавке, водя пальцем по строкам толстого фолианта. Нужно было научиться понимать старинные буквы, узнать побольше местных слов, чем он втихомолку и занимался. Чей-либо визит был сейчас ох как некстати, и он поднял на гостей недовольный взгляд. Но на книгу в его руках никто не обратил внимания, все были заняты более важными мыслями.

Едва войдя, Мария заметила Пьера и беспомощно оглянулась на Шереметева.

– Это он? Он?

– Он самый, матушка. Признаешь?

Глаза ее закатились, она издала тихий стон и стала оседать. И упала бы, не поддержи ее Воротынский.

– О господи, – испугался Шереметев, – напасть-то какая. Агафья, Варвара, воды скорее!

Вбежали, засуетились слуги, брызгая в лицо боярыни. Она слабо охнула, открыла глаза, взглянула на Пьера и тихо заплакала:

– Алешенька... Он же должен тут быть... Где мой Алешенька?

– Здесь! – раздался властный голос, и все дружно обернулись.

В дверях стоял Дмитрий Пожарский, державший малыша, за его спиной маячил князь Трубецкой.

– Алешенька! Сынок! – воскликнула женщина, протягивая к нему руки.

– Э, нет, матушка, – отстранился Пожарский. – Спервоначально обскажи, как всамдель было.

Мария испуганно перевела взгляд с него на мужа, закусила губу и разрыдалась.

– О чем ты, князь? – сурово нахмурился Иван Михайлович. – Аль винишь в чем Воротынских? Так сказывай то в глаза мне, а не боярыне!

– Погодь, Иван Михалыч, не серчай. Позволь Марье Петровне ответствовать, и сам все сведаешь.

Маленький Алеша вдруг протянул ручонки:

– Маменька!

Этого Мария вынести не смогла. Закрыв голову руками, она снова упала на колени и завывала:

– Ой, да вы казните, да не до смерти. То братец, Иван, сговорил меня малышей поменять, сказывал, наш Алешенька царем станет. Уж я как супротив умышления такого была, да он обещался скрасть сына, коли добром не соглашусь.

Бородатое лицо Воротынского пошло багровыми пятнами.

– Он как лучше хотел, – всхлипнула Мария. – Чтоб на Руси державствовал человек честный да праведный, такой, как Иван Михалыч.

– Себе он лучше хотел! – в бешенстве крикнул Воротынский. – А ты в том ему попускала! Дура, ай, дура! Вот уж истинно сказывают, куды бес не пролезет, туды бабу пошлет! Но ужо задам я этому ярыжке, будет помнить, как чинить нам досады!

А Пьер сидел истуканом, слушая признания боярыни, мысли его лихорадочно метались:

«Дьявол разбери этих фантазеров из корпорации! Это ж надо такое удумать! А я-то, я-то хорош! Расслабился, решил, что самый умный и всех вокруг пальца обведу, дурак!»

Воротынский повелительно махнул рукой:

– Отдай, князь, Алешку боярыне, пушай едут с миром. А я стану через нее отвечать, с бабы-то что за спрос.

Прижав сына к груди, Мария бросилась в сени.

«Два претендента долой!» – с ликованием подумал Шереметев, а вслух, притворно вздохнув, сказал:

– Эва, какие дела-то. Ведь и тебя, Иван Михалыч, и боярина Куракина Буйносов-то враз опорочил.

Воротынский промолчал, лишь желваки заходили на заросших бородой скулах.

– Надобно и нам уходить, а то вон, глядите, мальца мово вусмерть испугали. Ступай, Иван Михалыч, в крестовую палату, в спокойствии все обсудим.

Но Воротынский упрямо повел бычьей шеей.

– Нечем мне перед вами и Русью оправдаться, опозорил меня шурин. Одно скажу: о затее грешной я не ведал, но коли стал невольной ее причиною, то на державу ныне претендовать отказываюсь и на том крест целую. Будет ваша воля – сберегите все нонешнее в тайне, век не забуду. Эх, что ж за доля такая, второй раз Алешка мой поперек русской судьбинушки встает. Мало мне смерти князя Михаила⁵, так теперь еще и это!

Склонив голову, он твердым шагом вышел, сопровождаемый земными поклонами челядинцев.

⁵ Имеется в виду князь Михаил Скопин-Шуйский, отравленный на пиру по случаю крестин Алексея Воротынского.

Глава 7

Молчать Пьеру надоело. Ох, как много он мог бы сказать, но физиология малыша не позволяла. К своеобразной старинной речи он уже привык и теперь решил разрабатывать горло и связки, чтобы как можно быстрее начать говорить складно и уверенно.

Каждый день, убедившись, что деревянная дверь плотно закрыта, Пьер тренировался. То ходил из угла в угол, произнося русские слова, то, водя тоненьким пальчиком по строчкам, читал вслух церковные книги, взятые в шкафчике. Поначалу это давалось непросто, но потихоньку он приспособился, и дело пошло быстрее. Голосок у Пьера был тоненький, высокий, как у девчонки, и всякий раз, открывая рот, он не переставал этому удивляться.

«Мне, пожалуй, впору называть себя мадемуазель».

В тот день после обеда Пьер, как обычно, ходил из угла в угол по скрипучим половицам, повторяя слова. Он уже мог вполне отчетливо говорить, но пока предпочитал скрывать свои успехи.

– Надобно стать цар-рем. Надобно стать цар-рем, – шептал он на ходу.

Буква «р» далась ему совсем недавно, и он наслаждался ею, словно и в самом деле был ребенком.

Царем, конечно, стать необходимо, иначе испытание будет провалено. Но как это сделать? Что еще нужно этим виртуальным русичам? Он им такое «чудо» с буквами сотворил, а толку?! Да, дворня смотрит на него с благоговением и опаской, Василий с Филимоном уверены, что он Божий посланец, и вроде бы даже Шереметев начинает верить... А остальные? Конечно, время от времени приходят какие-то люди, глазают на него, полупшепотом спрашивают Федора Ивановича: «Он?» Дивятся, говорят, что на вид совсем обычный мальчишка... Но где радующийся Божьему посланнику народ? Где всеобщее ликование? Где, в конце концов, царские палаты, в которые его, по идее, должны были давно переселить?!

Н-да, похоже, одного чуда маловато. Нужно еще что-то придумать. Жаль, нет Интернета и социальных сетей, запустить бы флешмоб с хэштегом «#Младенца – на престол», вот это был бы номер!

Потихоньку темнело. Пьер в сумерках мерил комнату шагами и скандировал на ходу:

– Младенца – на пр-рестол! Младенца – на престол!

Увлечшись своими мыслями, он не замечал, что почти кричит. Тоненький голосок звенел под каменным сводом. Сидевший в сених Филимон встал и насторожился:

– Васык, это откуда ж глас?

Рыжий страж повертел головой, прислушался.

– Кажись, из Петрушиной комнатки доносится.

– А что там за баба? Агафья?

– Нет, – пожал плечами Василий, – она ж вот только во двор метнулась.

Они тревожно переглянулись и, не сговариваясь, ринулись к двери. Приникнув к ней ухом, Филимон кивнул:

– И впрямь отсель.

– Да как?! Чадо-то наше не может так сказывать! То ж не лепет детский, слышь?

Бледные от волнения, стражи замерли, тревожно глядя друг на друга. Из комнаты вполне явственно донеслось:

– Младенца – на престол!

– Надобно глянуть, – прошептал Василий и осторожно толкнул дверь.

Она тихо скрипнула. Пьер, очнувшись, едва успел отскочить к столу и принять безмятежный вид. Неужели услышали?! И как теперь объясняться?

Но охранники, против обыкновения, не обратили на него ни малейшего внимания. Оба ошалело оглядывались и, казалось, что-то искали.

Осмотрев комнату и никого, кроме ребенка, не обнаружив, стражи в ужасе уставились на иконы, освещенные тусклой лампадкой. На бледных щеках Василия ярко выделялись веснушки, лицо Филимона пошло пятнами. Они переглянулись, рты у обоих приоткрылись.

– Никак то был глас Богородицы! – выдохнул писарь. – Ей-ей, это Она повелела младенца на престол возвести!

– И то, – кивнул Василий, и оба, не сговариваясь, бухнулись перед иконами на колени, ткнулись лбом в половицы и заголосили:

– Пресвятая Царица Небесная...

Пьер смотрел на них во все глаза. Выходит, они приняли его болтовню за глас свыше? Вот так удача! Не успел он подумать, что требуется еще одно чудо, и на тебе – оно само свершилось!

Не глядя на него, стражи самозабвенно били лбом о пол, и в голове Пьера мелькнула шальная мысль. Вскочив на лавку, чтоб голос шел сверху, он громко и торжественно изрек:

– Быть вам заступниками чада сего!

И тут же снова сел. Василий с Филимоном на мгновение замерли, приподняли головы, огляделись... На лицах их был написан благоговейный ужас, казалось, они даже не дышали.

– Голосок-то как будто детский, – прошептал Васька.

– Дык ты на икону-то среднюю глянь – «Введение во храм Пресвятой Богородицы». Ей там годка три всего.

– Видать, Она и глаголила.

– Батюшки-светы, – прошептал писарь, снова ткнулся лбом в половицу и, не вставая с колен, задом пополз к двери.

Василий двинулся за ним, непрерывно кланяясь в пол, и через несколько секунд оба оказались в сенях. Пьер, еле сдерживая смех, слушал, как стражи вскочили и с воплями кинулись в хозяйские покои.

Глава 8

Восьмого февраля еще один претендент на царский престол, боярин Федор Иванович Мстиславский, праздновал именины. Высокий, тучный, с седой бородой до пояса, он сидел во главе стола в своих палатах, расположенных в Кремле, в двух шагах от колокольни Ивана Великого.

В огромной зале, стены которой были обиты дорогим европейским сукном, под сводами высокого потолка собралось с полсотни гостей, в основном самые знатные бояре. Столы, составленные буквой «П», ломились от угощений. Тут были жареные перепелки и зайцы с хрустящей корочкой, аппетитные судаки и щуки, тушенные на меду куриные ножки, соленые осетры и семга, печеные яйца, мягкие подовые пироги с разнообразной начинкой, маринованные фрукты и овощи, имбирные пряники с дивным запахом, орехи, изюм. Рекой лились сбитни, медовуха, пиво, заморские вина, квас, морс.

Боярин, подражая царям, завел стольников, которые в дверях палаты принимали блюда из рук челядинцев и подавали гостям.

Поначалу все было чинно, гости в роскошных кафтанах и ферязях сидели на крытых бархатными накидками лавках и смаковали подаваемые блюда. Время от времени кто-нибудь из них вставал и произносил тост во славу Мстиславского. Постепенно голоса становились все громче, речи оживленнее, лица – румянее. А после того, как наевшийся до отвала и изрядно захмелевший Воротынский пустил по кругу серебряную заздравную братину, гости начали вставать, подсаживались друг к другу и группками вели беседы.

Сам Федор Иванович пересел в кресло с высокой спинкой, подозрительно напоминающее трон. Рядом с ним на резных стульях сидели князь Трубецкой и боярин Борис Михайлович Лыков-Оболенский. Втроем они вели неторопливую беседу.

Пару лет назад Мстиславскому бы и в голову не пришло звать на именины такого человека, как Дмитрий Тимофеевич. Род Трубецких был, конечно, не из захудалых, но далеко не так знатен, как большинство московских боярских родов. Федор Иванович поморщился: ничего не поделаешь, терпи – Спаситель отечества, глава Совета всея земли, к тому же претендент на трон.

– Загорелись эти буквицы над его ложем и сложились меж собой словом «Царь»... – рассказывал тем временем князь.

– Про буквицы мы ведаем, – перебил его хозяин. – А с тех пор ничего боле не учинилось?

– Давеча сказывали челядинцы, будто стражи младенца, что в доме Шереметева стоят, саму Богородицу слышали. Вошли в его комнату, там никого, и только женский глас с небес: дитя, мол, для престола Руси дано, а вы будьте ему заступниками.

– Да полно, – повел плечами Лыков, розовощекий тридцатипятилетний здоровяк. – Чай, они промеж собой сговорились, чтоб страху на нас нагнать.

– Нет, Борис Михалыч, – покачал головой Трубецкой. – Тут не усомнишься. Ладно б кто один такое сказывал, а тут двое, да от разных хозяев. Никак не могли они сговориться, да и грех великий такое измыслить.

– Это верно, – кивнул Мстиславский, – не станут писарь архимандритов с человеком Пожарского такое удумывать. Да, братцы, похоже, прижал нас младенец Богоданный. Ни тебя, князь, ни меня, ни твоего, Борис, Мишку не выберут. А станет он царем да подрастет – так седмочисленных бояр, целование креста Владиславу да сидение у вора Тушинского нам не простит.

Собеседники понуро кивнули: у каждого был свой грех перед Русью. Мстиславский совсем недавно возглавлял Семибоярщину, в которой состоял и Лыков, а Трубецкой и вовсе входил в правительство Лжедмитрия Второго.

– А ты, Федор Иванович, как мыслишь-то, он и взаправду посланник?

– Да бог его ведает. Только я вам, други, так скажу: ежели кто из бояр сына своего подкинул, то мне не диво.

Трубецкой, покосившись на сидевшего неподалеку Воротынского, подался вперед и прошептал:

– Намедни было такое. Марья Петровна, сестра князя Буйносова, призналась, что муж ее вместе с боярином Куракиным пытались того мальчика за сына Иван Михалыча выдать. Насилу мы с Пожарским разобрались.

Мстиславский с Лыковым переглянулись и придвинулись поближе к Дмитрию Тимофеевичу. Тот шепотом рассказал о том, чему был свидетелем в доме Шереметева, присовокупив изрядную долю выдумки. Не успел он закончить, как над их головой послышалось:

– Здравствуй, князь.

Над ними склонился Воротынский, вены на его мощной шее вздулись. Трубецкой вспыхнул, вскочил и неловко поклонился.

– Батюшка Иван Михалыч...

– Об чем шепчетесь?

Дмитрий, метнув предостерегающий взгляд на Мстиславского, рассмеялся:

– Дык о чем вся Москва ноне шепчется? О посланнике Господнем, вестимо. Слышал, батюшка, про глас Богородицы?

– Нет, не ведаю, сказывай.

Трубецкой шагнул в сторону, увлекая за собой собеседника. Они отошли, а Лыков удивленно выдохнул:

– Да-а. Значит, Воротынский на венец-то боле не претендент. И Куракин с ним.

– Что ж, тем лучше. Но скажу тебе, Борис Михалыч: покудова младенец жив, всяк им может воспользоваться. Намедни у Буйносова не получилось, так получится у кого-нибудь иного. Решать с ним надобно.

– А ежели он всамдель Божий посланец?

– Брось, не дури, он либо дите боярское, либо просто приبلуда, которого нерадивая мать по бедности в церкву подкинула. Но для нас он опасный, вот что важно. Надобно нам к нему как-нить подобраться. Вишь, охраняют его.

Лыков неуверенно пожал плечами.

– Даже и не ведаю.

– Слухай, Борис Михалыч, давай без затей. Пока подкидыш этот жив, ни мне венец не примерить, ни твоему Мишке-отроку. Значит, нам с тобой и дело делать.

Мстиславский знал, на какую мозоль давить: женой Лыкова-Оболенского была Анастасия, родная тетка Михаила Романова.

– Ладно, Федор Иванович, сказывай, что замыслил.

– А что тут думать? Послать к нему душегуба с острым ножичком, да и всего делов. И без оплошки надобно – собор-то Земский до Великого поста царя должен выбрать. Только как нам охрану обхитрить?

Повисло тягостное молчание. Гости смеялись, шумели, но заговорщики этого не слышали, каждый из них обдумывал мрачный план.

– Здравница боярину Федору Ивановичу! – раздалось за столом, и все подняли чарки.

Мстиславский привстал, благодарно склонил голову и снова вернулся к своим мыслям.

– Погодь-ка, – встрепенулся вдруг Лыков. – Кажись, ведаю, как нам мальчика приговорить. Мой конюх, Ефимка, на соседний двор к одной девке бегают.

– И что нам с того?

– Ты, батюшка, никак запамятовал? Я ж через забор от Шереметева живу. Вот и рассказываю: конюх мой девицу ихнюю обхаживает, а та приставлена к младенцу для присмотра. В комнате его прибирается, ставенки распахивает, да мало ли чего.

Мстиславский замер, блеклые глаза его загорелись, дряблые щеки затряслись.

– А ведь и верно, ты ж с тем двором соседствуешь! Добро, Борис Михалыч, пусть так оно и будет. Обскажи своему холопу, что делать надобно, ну, а мы с тобой сочтемся, чай не впервой. С Божьей помощью нам...

Испуганные крики гостей помешали ему договорить. Федор Иванович поднял голову и побледнел. Трубецкой стоял у стола, судорожно ловя ртом воздух, в одной руке он держал чарку с вином, другую прижимал к горлу. Глаза его, казалось, вот-вот вылезут из орбит, лицо покраснело, вены на висках вздулись. Он медленно поставил чарку на стол, зашатался и рухнул на пол.

Гости вскочили, окружили упавшего князя, пытаются ему помочь. Раздались крики:

– Яд! Потрава!

У Мстиславского задрожали губы. Господи, даже подумать страшно, чем может грозить ему отравление Спасителя отечества! Он расправил плечи и шагнул к толпе. Решительно развернув к себе стольника, все еще в растерянности стоявшего рядом, он закричал:

– Негодяй! Рассказывай, что подложил в вино князю!

Тот упал на колени, лицо его от страха перекосилось и пошло пятнами.

– Батюшка, милостивец, и в думках не имел! Клянусь, не я это, не я!

– А кто?!

Боярин рывком поднял стольника за шкурку, схватил стоявшую на столе чарку Трубецкого и сунул ему в руки.

– Пей!

– Федор Иваныч, отец родной, смилуйся! – заголосил холоп, но Мстиславский был непреклонен, ему надо было кого-то покарать.

– Пей, убивец, али сей же час в медвежью яму брошу!

Несчастный дрожащими руками поднес чарку к губам, расплескивая вино на новую шелковую рубаху. Гости зашумели, присоединяясь к приказу хозяина.

После трех глотков взгляд стольника затуманился, рот раскрылся, чарка выпала из ослабевших рук. Сделав несколько судорожных вдохов, он повалился на пол рядом с тяжело дышавшим Трубецким. Все разом замолчали, глядя на распростертое тело. Федор Иванович безгласно ткнул слугу сапогом в бок и вынес вердикт:

– Сдох, паскудник.

И тут же обернулся к челядинцам, в страхе толпившимся у дверей крестовой палаты. Впереди других стоял невысокий кряжистый мужичок с квадратной, словно лопата, бородой. Лицо его было блее снега, темные глаза с ужасом смотрели на лежащих.

– Ну, что замерли?! – в ярости заорал Мстиславский. – Запрягайте немедленно! Князя домой, и в Китай за лекарем. Быстрее, сволочи, быстрее, а то всех велю на конюшне сечь до смерти!

Через пять минут Трубецкого уложили в сани, и возница погнал лошадей на Никольскую.

Глава 9

Прошка, холоп Федора Мстиславского, вышел из поварни и осторожно подошел к воротам в частоколе, окружающим двор. (По весне боярин планировал поставить каменную ограду, ну а пока жил так, по старинке.) Огляделся – вокруг одни сугробы; челядинцы заняты своими делами; вроде, никто его не видит, можно идти.

Выскользнув на улицу, Прошка мимо Крутицкого подворья направился к Фроловским воротам. Низкие серые тучи висели над Кремлем, едва не задевая кресты соборов. Ветер катал мусор с Пожара по заледеневшей деревянной мостовой. Мерзкая погода. Сейчас бы на печь завалиться или стопку опрокинуть, но дело есть дело. Поплотнее завязав кушак на проеденном молю шерстяном армяке, он спрятал руки в широкие рукава.

Фамилии у Прошки не было, а за широкую квадратную бороду его прозвали Лопатой. Сколько себя помнил, он служил в поварне боярина Мстиславского, а последнее время отвечал за разлив вина. Чего скрывать, втайне и сам попивал, но немного – меру знал.

Наклонившись вперед, против ветра, он упорно шел к Пожару. Там, на другой стороне площади, находилась цель его путешествия – Старый Земский двор, у входа в который должен ждать сын, Михайло. Во всяком случае, тот странный человек от князя Черкасского обещал, что Мишку выпустят, если... Ох-ох-ох, даже вспомнить жутко.

«Ведь как он сказывал? – размышлял на ходу Прошка. – Трубецкой занеможет, будет дома на мягкой перине лежать, всего-то надобно, чтоб он день-другой на Земском соборе не объявлялся. А что учинилось? Бедолага при смерти, а другой, стольник, и вовсе помер. И все это через меня. Эх, Мишка, Мишка».

Лопата горько вздохнул. Что тут скажешь, не доглядел за сыном. Тот с детства был откровенным шалопаем, а когда подрос, присоединился к шайке, грабившей посадских на дороге к Москве. Это сходило ему с рук в лихое время, но теперь князь Пожарский навел в городе порядок, и дурачка поймали. Ему грозила плаха, и вдруг появился этот...

Прошка нахмурился, вспоминая.

– Тебе всего-то и надобно, что на именинах хозяина добавить вот эту пудру в Князев кубок, – сказал странный человек. – Не бойсь, с Трубецким ничего худого не учинится, посидит денек в нужнике, и все. А коли ладно сделаешь, так на следующее утро у Старого Земского двора сможешь балбеса своего получить, живого и в полном здравии. Не сумлевайся, хозяин мой, князь Черкасский, об этом позаботится.

И Прошка, как последний дурак, поверил! А что было делать, упустить единственную возможность спасти непутевого сына? Положа руку на сердце, он и сейчас не жалел, что согласился. Да, один человек погиб, другой при смерти, но зато Мишку освободят! Ну и задаст ему Прошка! Будет под отцовым присмотром сиднем сидеть и без дозволения ни шагу со двора не сделает! Ничего. Двойное убийство, конечно, страшный грех, но он его отмолит. Господь милостив, как-нибудь обойдется.

Подходя к Фроловской башне, Лопата, как предписывала традиция, стянул с головы шапку и низко поклонился: здесь под неугасимой лампадой висел образ Спасителя Смоленского. Миновав ворота и мост через ров, Прохор вышел на Пожар и огляделся. Впереди – бесконечные аркады торговых рядов, справа – Лобное место и черное дуло Царь-пушки, чуть дальше – заснеженные маковки Покрова на Рву, построенного еще при Иване-Мучителе, и небольшое кладбище вокруг. А слева, вдоль крепостной стены, длинной вереницей расположились кресты церквушек «На Крови».

Мимо них по заледенелой тропинке Прошка и пошел. Заскочил в одну из часовенок, поставил свечку, поклонился – дозволь, Господи, чтоб помог неведомый князь Черкасский,

приказал бы выпустить Мишку. Подумал и, кряхтя, опустился на колени. Стукнул пару раз лбом о промерзший пол, перекрестился и поплелся дальше.

Земский приказ, небольшая каменная изба, располагался в самом конце Пожара, перед Неглинными воротами, за которыми начинался Белый город. Миновав торговые ряды, Прошка подошел к высокому крыльцу. Оно было пусто, никто его там не ждал, лишь одинокий сторож мел ступеньки веником из прутьев. Потоптавшись немного, Лопата обратился к нему:

– Слышь, мил человек...

Старик с трудом разогнулся и подозрительно посмотрел на Прошку.

– Чего надобно?

– Сына мово тут... обещались вывести...

– Кто обещалси?

– Князь Черкасский.

– Чаво?! – засмеялся сторож. – Да ты в уме ль, милоч, каки тут князья? Все больше подьячие да целовальники.

«Неужто обманул тот стервец? – растерялся Прохор. – Нет, неможно мне пужаться, когда об сыне надобно думать».

Он поднял голову, расправил плечи и важно сказал:

– Ты вот что... Проводи-ка меня к тому, кто здесь все учиняет.

Старик оглядел его поношенный армяк и, усмехнувшись, пожал плечами.

– Да проходи, больно жалко.

Прошка, удивленный такой покладистостью, поднялся на крыльцо, то и дело оглядываясь на сторожа. Потоптавшись у двери, перекрестился и дернул большую деревянную ручку.

В сенях было тепло, пара ступенек, еще одна низенькая дверь – и вот Прохор уже в избе. Огляделся: когда-то беленые стены облупились, на иконах – паутина. В углу жарко пылала печь, а напротив нее стояло несколько столов, покрытых грязными, в пятнах, скатертями. За одним из них сидел сонный белобрысый человечек, непослушные вихры падали на глаза. Он лениво скрипел гусиным пером по лежащему перед ним свитку. Вокруг стопками лежали толстенные фолианты. Рванув с головы шапку, Лопата поклонился в пол и робко шагнул к подьячему. Тот поднял голову и недовольно поморщился.

– Ну?

С перепугу Прошка повалился на колени и забормотал:

– Смилуйся, батюшка, уж не осерчай, родимый...

Подьячий утомленно вздохнул, казалось, ему и сердиться-то лень.

– Сказывай уже, не тяни. Чего надобно?

Прошка поднял голову и, подобострастно глядя в глаза приказчику, прошептал:

– Сынок у меня тут, поймали его недавно на большой дороге. Отпустили аль нет? Верхние люди похлопотать обещались.

– А ты сам-то откель? Кто такой будешь?

– Местный я, батюшка. Боярина Мстиславского холоп, в поварне служу, к винам приставленный.

– Дык то тебе в Разбойный приказ.

Вихрастый прекрасно знал: все московские дела разбираются здесь, но, чтобы что-то выяснить, надо встать, порыться в записях.

– Не осердись, батюшка, тута он, не сумлевайся. Да и хлопотуны сказывали, что в Земском надобно челом бить.

– Пшел отсель! – рассердился подьячий. – Всякий ярыжка мне перечить будет!

Дверь внутренних покоев отворилась, и в комнату шагнул важного вида человек с бородой до пупа, в длинной бархатной однорядке и красной тафье. Он недовольно взглянул на приказчика и спросил:

– Ну? Готово?

Растерявшийся подьячий вскочил, сонное выражение с его лица как ветром сдуло. Он поспешно поклонился и залебезил:

– Ужо вот-вот будет готовенько, батюшка Иван Фомич. Вот сию минутку.

– Да когда ж? – возмутился важный бородач. – Почто ты тут, лытать⁶ да казенную деньгу прожирать? Аль по розгам соскучился?! Дык я тебя мигом расскучаю!

– Помилосердствуй, батюшка, в чем моя вина-то? Проситель, вишь, притащился не ко времени.

Бородач, казалось, только сейчас заметил Прошку, все еще стоящего на коленях. Он подошел к нему вплотную и, глядя сверху вниз, спросил:

– Ты почто здесь?

Тот, боясь даже поднять голову, ткнулся лбом в сафьяновый сапог и забормотал пересохшими губами:

– За сына пришел челом бить, батюшка. Схватили его на святую Варвару, вот, милости прошу.

– Как звать?

– Прошкой.

– А дальше?

– Э... Лопатой меня кличут.

Закатив глаза, бородач тяжело вздохнул:

– Так то твое имя, что ль?

– Вестимо, мое, батюшка. – Прошка снова ткнулся лбом в сапог.

– Да почто мне твое, бестолочь! Сына как кличут?

– Михайло, милостивец...

– Афанасий, глянь-ка без оплошки, Михаил Прохоров, сын Лопатин. Да не мешкай, делов-то у нас нынче больно много.

Подьячий заметался, открывая то один фолиант, то другой, и, наконец, сообщил:

– Вечор на дыбе отдал Богу душу.

Бородач наклонился к фолианту, провел пальцем по строчке на пергаменте.

– А ну-кась... Все правильно, помер.

У Прошки зазвенело в ушах. Уж не ослышался ли? Он поднял голову и, дикими глазами глядя на подьячего, спросил, как дурной:

– Чаво?

– Чаво-чаво, преставился сынок твой, вот чаво. Ступай отсель, без тебя делов навалом.

Прохор не помнил, как оказался на улице, как сошел с высокого крыльца, не видел, как растерянно посмотрел ему вслед сторож. Ничего не замечая вокруг, Лопата шел, то и дело натываясь на торговцев, священников, баб с корзинами. Пару раз чуть не попал под копыта, вслед ему летели ругательства, но и их он не слышал.

«Что же это? – билась в голове мысль. – Да как же? Обещались ведь сынка-то спасти, я ради него на страшный грех пошел, а они...»

Кто «они», Прохор не знал. Но боль и горечь потери заполнили душу.

«Эх, Мишка, Мишка, что же ты, дурак, наделал?! И помыслить-то жутко, на дыбу вздернули, все косточки переломали. А я-то, я-то хорош, не пособил сынку единственному!»

Слезы катились из глаз, оставляя заиндевшие дорожки на искаженном болью лице. Зачем теперь жить?

⁶ Лытать – лодырничать.

«Что теперича делать мне, Господи Всемиловитый? Я ж за-ради Мишки две живые души загубил».

Получасом позже в домовой церкви Мстиславского Прохор уже исповедовался, рассказывая священнику о том, как отравил Трубецкого по подкупу князя Черкасского.

Глава 10

Очередной день Земского собора подошел к концу, и бояре, вспотевшие в меховых шубах, расселись на лавках в ожидании, пока все остальные покинут церковь Успения. Конечно, по уму-то весь этот гостиный, приказный, стрелецкий, посадский да уездный сброд должен их пропустить, но, увы, – народу собралось так много, что дородным боярам к выходу было не протолкнуться. Вот и сиди теперь, прей в мехах, ожидая, пока всякая шелупонь освободит дорогу.

Об этом с грустью размышлял Федор Иванович Шереметев, то и дело вытирая платком намокший лоб. Сколько же это будет продолжаться? Второй месяц почти каждый день собираются, а толку нет. Не могут никак выбрать царя, и все тут.

Поначалу дело шло гладко: почти сразу договорились «иноземных королей и Маринку с сыном не хотеть», а выбирать из русских родов. Вот тут и началось – бояре предлагали одного кандидата, дворяне другого, казаки – третьего, да и внутри сословий единства не было. И как ни старался Федор Иванович, и так и эдак уговаривая за юного Михаила Романова, к единому мнению Собор пока не пришел.

Церковь потихоньку пустела, и бояре потянулись к выходу. Шереметев, задумавшись, по-прежнему сидел на лавке, когда его окликнул святитель Ефрем, митрополит Казанский.

– Федор Иваныч!

– Владыко?

Священник – серьезный, седобородый, в парадной шапке с вытканными ликами святых – сидел на золоченом стуле, полагавшемся ему по чести первого архиерея Русской Церкви. Вот уже год, как скончался патриарх Ермоген, и с тех пор Ефрем пребывал местоблюстителем.

Он оглядел опустевшую церковь и повелительным жестом подозвал к себе Шереметева. Тот молча подошел, опустился на колени. Получив благословение, встал и вопросительно посмотрел на митрополита.

– Доколе ж мы венценосца выбирать будем, а, Федор Иваныч? – Ефрем сурово взирал на боярина, словно именно он был виноват в том, что на Руси до сих пор нет царя.

– Откель же мне ведать-то, владыко? Ежели глядеть, как ноне все идет, так, может, и до лета аль доле.

– Да уж и достойных не осталось, всяк себя опорочил, а иные померли. Мстиславский у седмочисленных бояр головой был. Куракин, Воротынский – уж куда, кажется, лучше бы, так нет, опоганили имя свое подменой младенцев.

– И то, – кивнул Шереметев.

Ему доставляло удовольствие слушать, как местоблюститель перечисляет претендентов-неудачников. Подтянув ближайшую лавку, он сел, скинул верхнюю шубу и облегченно вздохнул.

– Князь Пожарский грамоту за шведского королевича писал и тем себя запятнал, – продолжал Ефрем. – Да и худороден он для державы-то. Трубецкой... Что с ним, помер уже?

– Здравствует покамест...

– Ну, дай бог, дай бог.

– Но, говорят, недолго ему осталось. Совсем плох.

– Ох-ох-ох, грехи наши тяжкие, – вздохнул местоблюститель. – И ведь за раз двух потеряли из тех, кто венценосцем-то мог бы стать. Слыхал ты, слух идет, мол, чей-то челядинец покаялся, будто по велению князя Черкасского Трубецкого-то опоил? Вроде как они казацких атаманов не поделили.

– Слышать-то слышал, да брешут, поди, владыко. – Шереметев знал: если возражать упрямому Ефрему, он лишь сильнее утвердится в своем мнении.

– Нет, не брешут! А коли и брешут, все одно, Черкасскому теперича веры нет. В таком-то деле и маленького пятнышка с избытком. Коготок завяз – всей птичке пропасть.

– Оно конечно.

– Нельзя Руси без царя, Федор Иваныч. – Святитель наставительно поднял палец. – Ибо некому тогда о ней печься да о людях Божиих промыслять.

– Вестимо, – в который раз кивнул Шереметев.

– И кто ж у нас остается, а, боярин?

– Да мало ли родовитых племен на Руси? Вон хоть Романовы. Федорова отрасль младая, Мишка, чем не венценосец? Сарыни⁷ он памятью Анастасии любезен, а нам – добродетелью его батюшки-митрополита.

Ефрем упрямо мотнул головой.

– Он молод, неразумен, к тому ж Филарет у Тушинского вора служил.

– Тогда, может, Богоданный посланник? Мыслию, коли выберем его, Заступница Небесная укроет Русь своим незримым покровом, и прекратятся наши беды.

– Сумлений много, – вздохнул святитель. – Слышал, ты его на своем дворе держишь? Чудеса, сказывают, вокруг чада учиняются?

– Воистину, владыко.

«А коли выберут Петрушу, так я при нем как-нибудь пристроюсь».

– Сам хочу их видеть, – решительно сказал Ефрем. – А то казаки кричат, мол, подложное дите-то. Они, окаянные, к своей воле нас хотят наклонить, а сами-то и не ведают, кто им более любезен, Черкасский аль Трубецкой. А ноне и вовсе один помирает, другой опорочен. Ты вот что, Федор Иваныч, как диво какое учинится, без оплошки за мной посылай. Помнишь, поди, я на Крутицком подворье стою.

Шереметев задумчиво кивнул, явно думая о чем-то своем.

– Куды ты, Иван?

– К Дмитрию Тимофеичу, куды ж еще-то.

– Неможно к нему, помирает князь, сам же ведаешь.

– Гиль⁸.

Иван, высокий худой детина с жиденькой бороденкой, писарь и доверенное лицо Трубецкого, нетерпеливо отстранил челядинца, преградившего ему дорогу, и толкнул низенькую дверцу.

Здесь, в бывших палатах Годуновых, в опочивальне, где на мягких перинах лежал князь, находились еще трое: лекарь, приказчик и личный духовник Дмитрия Тимофеевича. Они тихонько переговаривались, косясь на больного, который своей бледностью мог поспорить с сугробами за окном. Услышав скрип открывающейся двери, Трубецкой с трудом приоткрыл глаза, увидел Ивана и тут же перевел взгляд на приказчика.

– Подите.

– Да как же, батю...

– Ступайте.

Все трое вышли, Иван плотно закрыл за ними дверь и шагнул к лавке, служившей Трубецкому постелью. Подтащил небольшую скамеечку, уселся и улыбнулся нетерпеливо смотрящему на него князю. Тот выглядел гораздо лучше, чем несколько минут назад.

– Все учинилось, как надобно, батюшка Дмитрий Тимофеич, – сообщил он и замолчал.

Приподняв голову, больной поторопил:

⁷ Сарынь – чернь, толпа.

⁸ Гиль – ерунда, чепуха.

– Ну, рассказывай же, Ванька, рассказывай, чего годишь.

– Нашел я Прошку Лопату, отца того Михайлы, коего за разбой на Волоцкой дороге поймали. Пришел к нему и рассказываю: спасет, мол, князь Черкасский, хозяин мой, сына твоего, коли подсыпешь Дмитрию Тимофеичу вот эту травку сушеную. И даю ему обычную ромашку, в пудру молотую. Прошка мялся попервоначалу, но потом сладили. А как ты выпил то вино-то да притворился опоенным, так страшно и помыслить, что с ним учинилось.

– Не видал его, – улыбнулся князь. – Но всполох знатный получился. Ох, как Мстиславский-то испужался, и вспомнить смешно.

– А как ты сведал, что он стольника-то принудит из твоей чаши хлебнуть? – поинтересовался Иван, преданно глядя на хозяина.

– Что ж ему еще-то делать было? Вестимо, кого-нить виноватым учинить. И я б так же поступил. Потому, как только я будто б занемог, так в суматохе и подкинул в чарку тот корень ядовитый, дабы все ведали, что я отравы-то хлебнул. Ну да бог с ним, дальше рассказывай.

– Как ты, батюшка, велел мне к священнику в домовоей церкви Мстиславского ступать, так я и пошел. Рассказываю, вроде как сон видел, что придет к нему человек исповедаться, и, мол, глас мне был, должен-де он хозяину своему, Федор Иванычу, эту исповедь открыть. Да токмо церковник тот ох ушлый оказался, сразу распознал, что я его провести пытаюсь. Пришлось ему сукном заплатить. Но зато он все сделал, как надобно, и боярину Мстиславскому доложил, что от Прошки услышал.

– И этот дурак таки пошел к священнику?

– Пошел, батюшка, как не пойти. Все, как ты рассказывал. Ты Мишку-то приказал замучить на дыбе до смерти, а отец его как о том сведал, так напрямки в домовую церковь и побежал. Я издали поглядывал, как его корежило. Из Земского приказа вышел весь белый – и тотчас же на исповедь, даже в избу не завернул.

– И как теперича?

– Дык все по-твоему вышло, батюшка Дмитрий Тимофеич. Боярин Мстиславский-то всем раззвонил, ровно колокол, про вину князя Черкасского. Ну, а Прохора в кандалы да на дыбу. И как только ты все наперед-то так угадал?

– Добро. – Трубецкой радостно потер руки. – Что ж, теперь все казаки на моей стороне будут. Еще пару дней полежу для верности да явлю им чудо исцеления.

Он тихо рассмеялся, а потом, спохватившись, прикрыл рукой рот. Иван, который весь разговор с удивлением его разглядывал, наконец решился спросить:

– А как ты бледный-то такой да исхудавший, батюшка? Всамдельь ровно преставиться собрался.

– Полежи тут столько не жрамши. Ладно, Ивашка, теперича ступай, а после ты мне еще будешь надобен. С казаками станем сговариваться.

Проводив взглядом писаря, Трубецкой торжествующе щелкнул пальцами – получилось!

Глава 11

Филимон осторожно открыл дверь и заглянул в комнату Пьера. Мальчик сидел на лавке, на коленях у него лежал толстый фолиант. Писарь открыл рот от удивления: неужели читает?! Подошел поближе, глянул – фу-ух, книга лежит вверх ногами, значит, ребенка просто привлекли красивые закорючки.

Ласково погладив малыша по голове, Филимон сел рядом.

– Как ты тут, чадо?

Пьер с готовностью улыбнулся. Еще бы не порадоваться, когда в последний момент успел книгу перевернуть. Он представил себе, как удивился бы писарь, узнав, что трехлетний ребенок целыми днями читает. Да, забавно получилось бы.

Филимон принялся было что-то рассказывать, но в этот момент дверь снова распахнулась, и вошла Агафья.

– Ты чего тут? – хмуро спросила она, обращаясь к писарю.

– Да вот, решил с мальцом посидеть, расскучать его. А то он все один да один. Федор Иваныч не велел его гулять пускать, студено больно. Да и сказывают всяко...

– Что сказывают?

– Да так, – смутился Филимон. – Вроде как мальчонку извести хотят. Аль не слыхала?

Агафья слегка покраснела и отрезала:

– Нет. Ты это... ступай отсель. Прибраться мне надобно. И Петьку заberi.

Что-то в ее голосе насторожило Пьера, и он решил остаться. Кто эту няньку знает, вдруг подложит что-нибудь. Он демонстративно встал, скинув книгу с коленей на лавку, и засеменил к столу, на котором рядом с чернильницей лежало гусиное перо и чистый пергамент. Все в доме уже привыкли, что он частенько «рисует», а попросту – калякает, и никто ему в этом не препятствовал. На самом деле Пьер пытался освоить маленькими ручками навыки письма, маскируя буквы под каракули.

– Куда ты? Кыш! Сказываю же, приборка у меня тут. Филимошка, унеси его.

Писарь попытался взять Пьера за руку, но тот заартачился: нахмурился, выпятил губы и приготовился орать. Но этого не потребовалось.

– Не хочет Петруша уходить.

– Да что ж такое, – всплеснула руками Агафья. – Аль глупости мальчишки титешного тебе важнее наказа боярина?

– Негоже посланника Божьего неволить, – отрезал Филимон и вышел, закрыв за собой дверь.

Мамка с негодованием посмотрела на Пьера.

– У, аспид...

Но тот, нимало не смутившись, принялся за свои каракули. А Агафья, поворчав, начала протирать слюдяные ромбики окна. Она почти успокоилась, но вдруг задела за жестяной рожок для свечи, торчащий из стены, и вскрикнула. Пьер вздрогнул, рука его дернулась, чернильница опрокинулась, и на вышитой скатерти расплылось уродливое пятно.

– Да что ж ты творишь, негодник?! – взвизгнула мамка. – Меня ж Федор Иваныч прикажет на конюшне сечь за твое баловство!

Схватив с лавки рушник, она замахнулась на Пьера. Но тот стащил с ножки тапку, кинул в нее, проворно скользнул под стол и затаился. Нянька пришла в бешенство и вне себя зашипела:

– Ах ты возгря⁹! Доколе ж мне еще терпеть-то? Ну, ниче, уж Ефимка-конюх тебе задаст! Вмале придет твоя смертушка, и я от тебя избавлюсь!

⁹ *Возгря* – сопля.

«Ничего себе! – опешил Пьер. – Меня эти компьютерные людишки еще и убить хотят?! И нянька тоже?! Так вот о чем говорил Филимон!»

Не успел он так подумать, как писарь заглянул в комнату:

– Че блажишь, Агафья?

– Глянь-ка, что твой любезный посланник вытворил, срамota. В меня хлопанец свой кинул, да и вот – весь стол загадил. Как теперича перед боярином отвечать?

– Пустое, – махнул рукой Филимон. – Я уж сколько раз чернила на столы лил, ниче. Лимона в воду капни-и отскоблишь. А где Петруша-то?

– Вона, внизу затаился.

Присев на корточки, писарь приподнял бахромую скатерти и встретился взглядом с Пьером.

– Совсем сдурела баба, – проворчал Филимон, вытащил его из-под стола и посадил на лавку. – Гляди у меня, так оттаскаю, коли будешь посланца обижать.

Закусив губу, Пьер проводил писаря глазами и задумался. Кто этот Ефимка-конюх? И какое ему дело до незнакомого мальчишки? Впрочем, холопы народ подневольный, что хозяин прикажет, то и сделают... А может, задание вовсе не в том, чтобы стать царем? Может, цель испытания – просто выжить? Вот как разобраться в такой круговерти?!

Агафья, закончив уборку, ушла, на прощанье погрозив Пьеру тряпкой, а он все сидел в задумчивости. Мало того что в детское тело запихнули, так еще каждый, кому не лень, норовит прикончить. Как обмануть убийц и уберечься от смерти?

В поисках ответа он шарил глазами по комнате. Печка, сундуки, стол, лавка-постель со все еще чернеющим над ней словом «Царь». Вот если бы снова что-нибудь фосфором написать... Но на улице мороз, вьюга, из дома не выпустят, сейчас ему можно лишь в сени, в столовую палату да в поварню.

Вот что Пьер любил в доме Шереметева, так это кухню. Там всегда что-нибудь жарилось, парилось, аппетитно шкварчало. Местная еда ему пришлась по нраву. Конечно, до парижских говяжьих медальонов здешнему мясу далеко, но и его готовят недурно, с необычным соусом и печеными яблоками.

Интересно, как им удастся так долго их сохранять? Февраль месяц, а в поварне яблоки словно только что с дерева. Правда, кислые. Ну да, селекцию еще не придумали, что растет, то и растет. Стоп! Кислые яблоки... Там еще и лимоны были... А это идея! Уж что-что, а рисует-то он неплохо, и им ни в жизнь не догадаться...

Воодушевившись задумкой, Пьер прыгнул с лавки и отправился на кухню.

Тем же вечером Василий с Филимоном, как обычно, зашли в комнату Пьера, чтобы проверить, все ли в порядке. Было уже темно, оконце закрыто ставнем, лишь лампадка тускло освещала иконы да на выступе изразцовой печи зачем-то стояла зажженная свеча.

– Агафья, что ль, забыла, – прошептал писарь и кивнул в сторону лавки: – Почивает уже посланец-то наш.

– Угу. А это чего?

На полу белело светлое пятно. Василий шагнул к нему и поднял с половика кусок пергамента.

– Начертано что-то, – удивился он. – Не разглядеть.

– А ну-ка.

Филимон взял свиток и подошел к свече. Оказалось, это рисунок: в нижней половине пергамента был изображен маленький мальчик, неуловимо напоминающий Пьера.

– Это откель же? Не может же Петруша сам такое начертать.

Он положил свиток на печь рядом со свечой, разгладил его, чувствуя ладонями горячую поверхность. И вдруг прямо на глазах в верхней, пустой части пергамента стали появляться

непонятные, словно подгоревшие линии. Пара мгновений – и они сложились в очертание руки с ножом, занесенным над головой мальчика.

– Мать честная, – выдохнул Василий. – Это ж знак!

– Святые угодники!

Несколько секунд они молча стояли с разинутым ртом, словно громом пораженные. Потом разом заголосили, нисколько не заботясь о том, что рядом спит ребенок, и кинулись вон из комнаты. В дрожащей руке Филимон уносил необыкновенный пергамент.

Пьер сел в постели и тихо хихикнул. Все-таки химия – великая наука. Всего-то рисунок лимонным соком да тепло от печи – и вот вам, пожалуйста, чудо.

Что ж, теперь стражи знают, что ему грозит опасность, и будут беречь как зеницу ока. Ефимка-конюх... Это кто ж такой? Вроде здешнего конюха Власом зовут. Значит, убийца – человек со стороны, и Шереметев ни при чем. И наверняка о дополнительной охране позаботится, ему совсем не нужно, чтобы посланца в его доме грохнули.

Рассчитал Пьер верно: потрясенный рассказом стражников, Федор Иванович выделил еще двух человек для дежурства в сенях перед дверью Пьера, приказал выставить у ворот ночную охрану и каждый час дозором ходить вокруг палат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.